

ЗЕРКАЛО ЧУЖОЙ ДУШИ

Наталья Лариони

Наталья Лариони

Зеркало чужой души

«Автор»

2023

Лариони Н.

Зеркало чужой души / Н. Лариони — «Автор», 2023

Она была осуждена на пожизненное за двойное убийство, но вышла на свободу. Сын мертв, все против нее, и только единственная надежда, что она невиновна, позволяет ей двигаться дальше, но тут начинают происходить загадочные смерти. Кто-то явно не хочет, чтобы она раскрыла тайну давно минувших дней. Удастся ли главной героини противостоять тому, кто желает ее смерти, когда так некстати ее настигла любовь.

© Лариони Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Наталья Лариони

Зеркало чужой души

Глава 1

Бесконечная темнота превратилась в постоянство. Первые дни в этой небольшой камере казались адом, а потом пришло осознание, что это надолго, навсегда. Страх: всепоглощающий, постыдный, устрашающий, он парализовал, лишал воли, стирал все грани человеческого, разумного. Разум. Она моргнула, ее глаза уже давно свыклись с темнотой, сказать, что она научилась различать мелкие детали практически без освещения, это было слишком мало, ничтожная кроха. Она отлично видела в темноте и все еще сохранила возможность мыслить, думать, даже желать.

Женщина могла бы выдавить улыбку, но разучилась за эти годы улыбаться, даже усмешка казалась ей одной из разновидностей радости, которой она не знала вот уже 20 лет. Обхватив колени руками, она спиной прижалась к сырой стене, не чувствуя, как неровности выпивались в ее истерзанное тело. Подушечки пальцев непроизвольно скрутили маленький шарик из бумаги. Глаза смотрели в четко очерченные круги на стене напротив. Простое уверенное движение, шарик коснулся центра, на долю секунды прижался, словно желал остаться в закрашенном круге, но закрепиться, зацепиться, чтобы удержаться, было нечем, отскочив, устремился на пол.

Так и она пала 20 лет назад или может быть раньше, за долго до того события, скатилась в бездонную пропасть, когда взяла в руки тот дротик, а потом спустя годы надавила на газ. Пальцы сжались в кулак. Безмолвный крик застыл в горле, хотелось остановить время и повернуть его вспять, чтобы все исправить, изменить то, что натворила. Ее голова склонилась на колени, она лбом прижалась к грубой ткани штанов.

Вздых, выдох. Серость, сырость, затхлость. Почувствовать бы дуновение ветерка, посмотреть бы на звездное небо, встретить рассвет, проводить закат. Такое естественное проявление природы доступное для каждого на земле, стало для нее неисполнимым желанием. Она просила, первые несколько лет умоляла устроить ей прогулку, просила разрешения взглянуть на солнце, твердила о своем праве просто подышать на улице, пройтись... а в ответ пустота. Ее словно похоронили в этой камере с кроватью у стены, раковиной, унитазом, покосившейся тумбочкой.

Порой, нажимая на слив, она представляла, что точно также смыла свою жизнь, не оставив никакого следа... оставила... она оставила сына. 20 лет назад она видела его последний раз трехлетним мальчиком, которого сама лично сделала сиротой и это при еще живой матери.

Она писала ему письма. Несмотря на все, находила толику радости в этих письмах, верила, что он читал, знал о ней, пусть и не приходил, а может быть приходил, а ему не давали с ней увидеться. Она ничего не знала, даже не могла представить, каким он вырос, каким стал. Совсем ничего не знала. Обвинял ли он ее или хотя бы немного ее любил? Не знать, она уже и к этому привыкла – ничего не знать. Взгляд блуждал по стене, уже наизусть выучила все выемки, выступы. Она никого не видела из родных, только брат приходил всего лишь раз, чтобы подписать доверенность на управление. Доверенность.

Ее взгляд метнулся к очерченной таблице. Настенный календарь, нарисованный своими собственными руками: 13 строчек, 32 столбца. Первый год дался ей очень тяжело. Она терялась в датах, время для нее превратилось во что-то незримое, неузнаваемое. Слезы, отчаяние, страх терзали ее сознание, а потом наступило полное опустошение, день сменялся один за другим,

пока она не захотела узнать – когда день рождения у ее сына. Именно с того периода на стене у нее появился календарь, нарисованный мелком.

15 апреля. Прошел очередной день рождения ее сына, а через неделю истекал срок ее доверенности. Ее брови слегка приподнялись, пальцы разжались, ноги коснулись холодного пола. Она увидит своего сына – пронзила мысль ее сознание. Оливия Торрес встала. Худощавая, невысокая в мешковатой одежде не по размеру она казалась серым птенчиком, закрытым в серой клетке, волосы, зачесанные и стянутые в пучок на затылке, колыхнулись от ее движений.

«Это будет моим условием», – ее губы сжались в тонкую линию, подбородок приподнялся. Она увидит своего сына. Обязательно увидит. Два небольших шага. Указательный палец коснулся даты – 30 апреля. Достала мелок и очертила круг. Она повернулась к небольшой тумбочке. Три шага, и Оливия присела на кровать. Лист бумаги царапнул кожу пальца, но она даже не поморщилась от пореза. Поднесла палец к губам, вкус железа слегка отрезвил ее, темное пятнышко отпечаталось на листе.

Оливия застыла, занеся карандаш. Она ждала, молчаливо, выдержанно. Она могла бы писать, слегка прищуриваясь, как она делала это ранее, но сегодня ей хотелось написать сыну письмо при свете. Может быть, улыбнулась бы, если бы не разучилась. Лязг металла, шум шагов, и зажегся свет. Все по расписанию, ее жизнь вот уже 20 лет была подчинена жесткому режиму: подъем, завтрак, обед, ужин, отбой... стабильно раз в неделю, по средам... она качнулась головой, отбрасывая неприятные мысли, сейчас она думала только о сыне.

Оливия писала торопливо, словно кто-то подстегивал ее, вынуждая спешить. Понимала, что никто не стоял позади нее, только завтрак, скоро принесут завтрак, она хотела отдать письмо, чтобы оно успело дойти, чтобы ровно через семь дней предстать перед сыном. Посмотрела бы ему в глаза, попросила бы прощение, если потребовалось бы, она даже встала бы перед ним на колени. Оливия поставила точку и свернула лист. Всего несколько строк и материнская мольба – приди ко мне.

Ждать, снова ждать. Ее слегка потрясывало. Нетерпеливо стояла около двери, отходила и снова возвращалась. Когда в дверь ударили, Оливия, хоть и ожидала стука, все равно вздрогнула и повернулась. Она смотрела, как приподнялась затворка и на полочку поставили поднос.

– Завтрак, – голос, лишенный каких-либо эмоций, вызвал в ней нервную дрожь, а сердце застучало сильнее, словно она делала что-то постыдное, ее руки тряслись.

– Письмо, – прошептали ее губы едва слышно.

– Завтрак, – в дверь нетерпеливо ударили.

– Письмо, – уже громче и отчетливее произнесла Оливия. – Письмо, отправьте пожалуйста.

Она сжала поднос, но не делала попытки забрать, другой рукой протянула сложенный в три раза лист бумаги.

– Отправьте письмо, – в ее голосе прозвучали металлические нотки.

В этот раз она потребовала, хотя просила редко, понимая тщетность своих просьб, но сегодня стояла на своем – что-то, что могло бы дать ей силы... но на что? Она уже порой сама не понимала, кто она, что она, зачем. Зачем она еще жила? Сын. У нее было право увидеть его, и она свято в это поверила, хотя бы во что-то, хотя бы раз обнять его, почувствовать его тепло. Глаза заволокло поволокой. Слезы. Она ведь так давно не плакала. Значит еще не разучилась, поняла она, когда на щеках почувствовала влагу. По ту сторону двери молчали. Письмо слегка подрагивало в руках, и красная отметина, бледная, но заметная, словно печать, притягивала ее взгляд. Ее кровинушка, ее плоть, ее продолжение на этой земле, ее единственный родной человек.

– Не положено, завтра, – неохотно ответили из-за двери.

– Мне нужно сегодня! – ее голос с легкой хрипотцой от долгого молчания, немного оглушал ее саму.

Тишина и темнота – вот два ее верных спутника долгие годы, а сегодня она просила, требовала, умоляла. Она жаждала увидеть сына, хотя бы один раз, чтобы поговорить, объяснить... а если он не станет слушать? Она спорила с самой собой. Тогда она купит его визит, пронеслась мысль... хотя у нее и не было денег, но там за этими стенами, были.

– Кто ты такая, чтобы требовать? Забирай, – его голос оборвался, – те, – услышала она издевку, сеньора! – поднос слегка дрогнул, тарелка с какой-то едой скатилась к ее руке.

Сеньора. Ее покорило от этого слова. Он ее всегда так называл. К горлу подступил ком, живот свело от судороги. Ее затошнило только от одного воспоминания о нем.

– Я объявлю голодовку, если не забереешь письмо! – Оливия наклонилась, чтобы разглядеть того, кто стоял за дверью, и ее взгляд уперся в дешевый черный потрескавшийся ремень.

– Твое право! – усмехнулся надзиратель. – Только ему это не понравится, хочешь, чтобы я передал, что ты сопротивляешься?

Оливию передернуло. Она уже давно перестала сопротивляться. Поняла, что ему нравилось это, и она превратилась в безропотную, бездушную, безэмоциональную куклу, такой она стала для него, научилась отключаться в моменты ужасных свиданий. Она противостояла ему молча, стойко, как могла, противостояла, чтобы сохранить хотя бы толику самой себя.

– Передай письмо! – сквозь зубы выдохнула Оливия, напрочь отбрасывая этику.

– А что взамен? Тебе есть, чем заплатить, сеньора? – он ударил в дверь палкой, простым ударом требуя забрать поднос.

В этот раз Оливия не вздрогнула.

– Я скажу ему, что ты заходишь в мою камеру, что лапаешь меня, что хочешь трахнуть! – спокойно заявила Оливия, стоя нагнувшись, она держалась за поднос, протягивала свое письмо, написанное на листе бумаге, помеченное ее кровью. – У каждого есть цена, – уже себе под нос прошептала она. – Думаешь, что он мне не поверит, он не только не поверит, он поверит.

– Я хотел бы поймать тебя, – он все-таки нагнулся.

Она увидела его блеклые глаза, маленькие, сузившиеся от ярости, что она, несмотря на то, что, маленькая женщина, осужденная за убийство, находившаяся в камере строго режима, смогла надавить на него, заставила сделать то, что он не хотел.

– Письмо отправь, – Оливия сильнее выдвинула руку.

Раньше, до ее заточения, такой разговор был бы совершенно не уместен, но за 20 лет все очень сильно изменилось.

Он неохотно взял письмо, и она втянула поднос. Затворка опустилась. Она снова одна, в камере 2,5 метра на 1,5. Для других осужденных это могло бы показаться апартаментами, для нее же это все не имело никакого значения. Совершенно одна, темнота ее верная спутница, когда ей объявили пожизненный приговор, камера стала ее маленьким убежищем, в которое иногда пробирался ее маленький друг, но уже несколько дней она не видела его. Оливия присела на кровать, поставила поднос на тумбочку. Ее взгляд не отрывался от календаря. 30 апреля...

...«Апрель, вот и снова апрель», – мужчина стоял около окна и смотрел на окно в противоположном здании, вечно задернутое шторами, словно там не было ни души. Терпкий горячий кофе обжог горло. Во всем здании, во всех окнах повесили жалюзи, и только в том кабинете за окном все оставалось нетронутым, там никогда не горел свет.

«20 лет», – он сделал глоток кофе. Воспоминания практически стерлись за это время. Он практически забыл, как встречал ее взгляд из того окна через несколько стекол. Эти переглядки он и помнил. Сначала они были соперниками, потом стали компаньонами, а потом в один день все перевернулось с ног на голову, ее кабинет закрыли, как будто бы запечатали. Ее не было, но она присутствовала незримо, особенно, когда он стоял вот так у окна и смотрел в окно

ее кабинета, когда-то принадлежавшего ее отцу, словно ее призрак жил в том кабинете, его собственный призрак.

Порой ему казалось, что шторка колыхалась от ее движений, но он понимал, что это приходила уборщица, исправно убирающая кабинет, в котором никогда она больше не появится, но его пора заселять, пора делать ремонт, понимал он, пора кабинету принимать нового хозяина.

Они практически не соприкасались, но переглядки через стекла были их обычным делом и переход, в котором они встречались, чтобы пожать друг другу руки и передать документы, ровно посередине, у каждого была своя территория, за которую другой не переступал, незримая черта. В тот день, когда все произошло, они утром как обычно пили кофе, каждый в своем кабинете, их особый ритуал, и смотрели друг на друга, не зная, что это был их последний раз. Теперь он один стоял у окна, пил свой кофе, и его взгляд упирался в опущенные темные шторы.

Мужчина допил кофе и поставил на стол пустую чашку. Упершись рукой об стену, вторую руку сунул в карман, темная рубашка натянулась на его крепких плечах. Он опустил взгляд на календарь, стоящий на подоконнике. Неделя. Всего неделя и все решится. На его лице не дрогнул ни один мускул. Она в тюрьме и останется там навсегда, жизнь продолжалась и нужно было принимать решение, которое далось ему не просто, он продумал все, остались только маленькие детали.

– Сеньор Рейнальдо, можно мне уйти? – женский голос вырвал его из размышлений и заставил обернуться.

– Исабель, да, конечно, – кивнул он, слегка хмурясь. – Постой минутку, – он подошел к столу. – По договору, о котором мы с тобой говорили, есть ответ? – спросил он.

Девушка закусила губу и качнула головой:

– По сеньору Торресу? – все же уточнила она, хотя прекрасно понимала, о каком договоре шла речь.

– Да, – Рейнальдо указал пальцем на невидимый договор в сторону окна с закрытыми шторами.

– Нет, сеньор, – она все еще мялась у двери, она никак не могла подобрать слова, чтобы начать разговор.

Может быть он бы и заметил ее неуверенность, только не сегодня, в этот момент его взгляд остановился на календаре – 22 апреля. Он побледнел, рука потянулась к календарю, но он его не коснулся, сразу же встал, схватил пиджак и быстрым шагом вышел из кабинета, не заметив, что Исабель замерла у двери с открытым ртом, она так и не решилась сказать ему.

Девушка взглянула в окно на закрытое шторами окно в соседнем здании, тяжело вздохнула, опустила голову и закрыла дверь, как будто бы отгородилась. Словно если не смотреть, то и этого окна как бы и не существовало. Достала телефон и набрала номер.

– Матиас, – она прижала мобильный к уху, – я это сделала, – прошептала она, – слышишь? Скоро будет ответ, и ты знаешь, каким он будет, я все тщательно подготовила. Не кричи, – взмолилась она. – Да, да, я сейчас приеду, отпросилась, не ругайся, пожалуйста, мы у тебя поговорим, – попросила она и взяла сумочку, – Сеньор уехал, так что я свободна, и он отпустил меня, – она нахмурилась, слушая собеседника. – Максимилиано еще не знает, но ты же понимаешь, что ничего уже не изменить, – она попыталась улыбнуться, – ты же знаешь меня, если засело, то не останавлиюсь. Я вся в дедушку Матиаса, тебя ведь в его честь называли, – напомнила она, стараясь немного успокоить брата.

Исабель направилась к выходу, задержалась около настенного календаря и передвинула дату с 21 на 22 апреля...

...Ему никогда не нравились календари. Не любил он жить в рамках, ограничивать себя условностями, словно весь мир принадлежал только ему. Мужчина отодвинул бумажный пере-

кидной домик с цифрами, мельком взглянул на папку, взял стеклянный куб с дротиком внутри и повернулся к окну, удобно расположив ноги на подоконнике, закурил сигару. Куб с дротиком держал в руке, смотрел на него своим единственным правым глазом. На месте левого красовалась черная повязка в виде надкусанного яблока.

Мужчина поправил повязку и улыбнулся. Он еще в детстве выбрал именно эту форму, очень она ему понравилась, а надкусанным его сделали мастера, чтобы ему удобнее было носить, так она и прижилась. Ему ни раз супруга предлагала вставить искусственный глаз, но ему нравилась повязка, он ощущал себя пиратом свободных морей. Свобода всегда и во всем. Он вертел куб в руках – свой самый первый трофей в жизни. Его маленькая победа. Столько их потом было, но эта была самая сладкая, самая горькая. Он закурил кубинскую сигару, медленно выдыхал маленькими колечками дым, слегка покачиваясь в кресле, отклонялся назад.

20 лет большой срок, но когда время на исходе, оказалось, что это ничтожно мало, он еще не успел насладиться. Аккуратно поставил куб на стол, смахнул невидимые пылинки, вновь крутанулся к окну, бухнул ноги на подоконник, поднес сигару к губам. Пальцы другой руки барабанили по подлокотнику. Он не видел ее 20 лет, и прекрасно понимал, что перед ним стоял выбор: неизбежная встреча с ней или... он втянул воздух. Размяв шею, вновь сделал затяжку и выпустил дым. Время спешило вперед, оно ни на миг не останавливалось, а он наслаждался сигарой, папка с документами лежала на столе позади него, а он просто смотрел в окно, на самолет, который набирал высоту.

– Сеньор Артуро, ваш чай с мятой, – робкий голос ворвался в его мысли.

– Что, Кармен? – он неохотно повернулся.

Перед ним стояла худенькая девушка в черном костюме, юбка не прикрывала колен, белая блузка слегка разошлась на груди, показывая мягкую округлость. Он смотрел отрешенным взглядом сквозь нее.

– Ваш чай с мятой, как вы просили, – она неловко начала ставить блюдце с чашкой, вздрогнула от его кашля, и несколько капель соскользнули с блюдца, устремились вниз, разбиваясь на стекле куба, под которым красовался простой дротик.

– Что ты наделала? – закричал Артуро и вскочил с кресла.

Он схватил куб и стал тереть его о свои брюки, тряся, словно капли горячего чая могли испортить стекло или навредить дротику.

– Простите, сеньор, – залепетала девушка, – я не специально, так получилось.

– Ты как всегда не расторопна! – Артуро рассматривал куб, вертел его в руках, подставлял под свет.

Он не обратил внимание, что сигара упала на пол, что она все еще дымилась, что на покрытии появился темный след.

– Ваша сигара, – Кармен смотрела на сигару.

Он осматривал стеклянный куб, вытирал уже не существующие капли. Все тер и тер, не в состоянии остановиться.

– Простите, я случайно, я не хотела, сеньор, – мямлила она, присела и подняла его сигару, положила ее в пепельницу.

– Выйди! – рявкнул он. – Сначала научись, – смахнул фарфоровую кружку в мусорное ведро, разливая чай по полу и столу. – Пусть тут все приберут, – распорядился он.

– Хорошо, сеньор, – в ее голосе послышались слезы.

Однако она сдержалась, пока не вышла из кабинета, и только там расплакалась.

– Серхио, – тихим голосом обратилась она к мужчине, стоявшему около кофе машины, – вызови Мартину.

Мужчина не спросил ее, почему она плакала, словно не замечал ее слез. Девушка метнулась в сторону туалета. Серхио посмотрел на приоткрытую дверь, пожал плечами, словно вся эта ситуация для него была привычным делом. Он увидел сеньора, но тот даже не заметил его.

Ему было все равно, что бумаги в папке намокли, что чашка разбилась. Только куб интересовал его и бумажный домик-календарь, который он всего лишь несколько минут назад небрежно отодвинул в сторону. Неделя. У него неделя, его загоняли в рамки, Артуро поставил куб на полку в шкаф и закрыл дверцу. Ему бы хотелось выбросить календарь в мусорное ведро, но пальцы просто сжимались, сминая твердый бумажный домик...

...бумажный скрученный шарик, направленный четкой рукой, коснулся центра, слегка отпружинил и устремился вниз. Одно и то же движение уже много лет подряд. Это стало ее единственным развлечением, порой ей казалось, что она сходила с ума, но мысли, словно ее проклятие оставались ясными и четкими. Она помнила многое, что хотелось бы забыть и не вспоминать.

Когда-то она очень любила дартс, вместе играли с братом, собирались участвовать в соревнованиях. Оливия подтянула ноги и обняла колени руками, спиной уперлась в холодную стену. Все, что у нее осталось – это только воспоминания. Воспоминания о том, какой ее была жизнь до той черты, когда она впервые ее переступила. Тогда она и не думала, что в последний раз держала в руках дротик.

Артуро приболел, и отец хотел оставить его дома, чтобы ехать с ней одной на ее первые несостоявшиеся соревнования, мама уже тогда умерла. Оливия поняла, что почти не помнила, как выглядела мама, да и образ отца становился блеклым, тусклым. В ее воспоминаниях он всегда был серьезным, практически угрюмым. Он с каким-то укором смотрел на своих детей после смерти жены.

Она уже не помнила из-за чего разгорелась у нее с братом ссора, но очень четко помнила то, что случилось потом, когда она со злости кинула в него обычный дротик. Оливия клялась, что она не хотела, что просто так получилось, что она не специально, но отец словно не слышал. Артуро рыдал и бился в истерике, он был весь в крови. Вместо того, чтобы вести ее на соревнования, ее оставили дома с няней. Отец уехал с Артуро в больницу... назад они вернулись спустя неделю. Артуро смотрел на нее одним глазом, второго глаза у него больше не было и в этом была ее вина, так он ей и сказал. Черное яблоко с надкусанным боком – странная повязка на лице брата стала ее проклятием, ее живым напоминанием в том, что она искалечила своего родного брата простым обычным дротиком, попала прямо в цель, в яблочко...

– Возьми яблочко, наверняка еще не обедала, а уже скоро ужин, – молодой человек протянул ей тарелку с фруктами.

– Я не люблю яблоки, – отказалась она и присела в удобное кресло. – У тебя сегодня были клиенты? – спросила Исабель.

Матиас покачал головой.

– Что будем делать? Скоро срок аренды, – напомнила она, – а у нас с тобой нет денег.

– Не уходи от разговора. Денег нет, и ты потеряешь свою хорошую работу из-за того, что сделала, – он подкатил второе кресло и сел напротив нее.

Исабель качала головой, словно соглашалась с ним, и в то же время внутри нее поднималась буря протеста:

– Ты понимаешь, что, – она не договорила.

– Это ты понимаешь, что сделала? – перебил он ее. – Ты понимаешь, что возможно разрушила свою карьеру, свою жизнь? Что скажет Макс, когда узнает?

– Что я узнаю? – услышали они веселый голос, и в салон вошел высокий статный молодой человек с волнистыми волосами, взлохмаченными легким ветерком. Он снял темные очки и широко улыбнулся. – Так что я не знаю или должен узнать? – спросил он.

Исабель побледнела. Матиас качнул головой и улыбнулся.

– Она пораньше ушла с работы, а теперь переживает, что скажет твой отец, когда обнаружит это, – на одном дыхании выдохнул Матиас, спасая ситуацию. – Привет, – он встал с кресла и протянул ему руку.

– Не переживай, папа занят делами, даже не заметит, – отмахнулся Максимилиано, – тем более его нет на работе, так что даже не волнуйся.

Он шагнул к девушке, наклонился и поцеловал ее макушку:

– Как же ты вкусно пахнешь, – прошептал он.

– А тебе пора подстричься, – она смотрела на него снизу вверх, румянец окрасил ее щеки.

– Поэтому я и пришел сюда, а тут ты, – он смотрел в ее глаза.

– Я вам не мешаю? – напомнил о себе Матиас

Исабель и Максимилиано засмеялись. Макс отвернулся от нее, и Исабель выдохнула. Она не была готова признаться ему в том, что сделала. Не сегодня, у нее еще было время, или не было. Она поджала губу, смотря как Макс усаживался в кресло, а Матиас брал в руки ножницы.

– Не грусти, – заметил ее озабоченный вид Макс, – сейчас Матиас поколдует, и мы все вместе пойдем ужинать.

Матиас взглянул на нее, Исабель грустно улыбнулась, понимая, что эти ужины скоро закончатся. Макс никогда не простит ее...

...Он не мог простить себя. Рейнальдо опустил темные очки и вышел с территории кладбища. Как он мог забыть эту дату? Он не понимал. Что с ним случилось? Рейнальдо стоял около своей машины и дышал пыльным сухим воздухом. Пожилой мужчина с тростью в руках, постукивая ею, слегка сгорбившись, прошел мимо него.

Он много лет наблюдал за теми, кто приходил и уходил с этого кладбища. Обычно это были женщины. Он давно отметил одну закономерность, что у надгробий редко встречались мужчины, все-таки женская доля оплакивать умерших. Редкий мужчина с оранжевым букетом невольно бросался в глаза. Рейнальдо стоял и смотрел, ему бы уехать, но почему-то ноги не слушались, он все еще себя винил за забывчивость ему несвойственную, поэтому стоял, чтобы еще немного побыть рядом. Посещения кладбища всегда давались ему нелегко, особенно в этот раз. Раньше всегда помнил, да и маленький Максимилиано просился к матери. Может быть ему не стоило идти у него поводу и водить на кладбище, но они ходили вместе, только не в этот день, этот день принадлежал ему одному, как и тому мужчине с тростью, сгорбленному печалью, не смилившемуся с утратой.

А он сам принял утрату, смирился с нею? Что было для него это все? Рейнальдо кашлянул, прочищая горло. Мужчина с тростью обернулся и взглянул на него сквозь большие очки в массивной оправе. Он смотрел на него очень внимательно, пристально. Рейнальдо слегка кивнул, ощущая непонятно откуда-то взявшуюся неловкость и странное желание поздороваться. Невольно, молча возник вопрос – а кто умер у него, кого потерял? Сильно ли он любил того, кого с ним нет рядом? Любовь. Рейнальдо качнул головой, открыл дверь машины и сел за руль. Он давно не знал любви. Не в его положении желать любви, ему нечего было предложить взамен, вот и бежал, бежал от самого себя, понимая, что и его бег мог остановиться в любой момент, время никого не щадило...

...как всегда никого не было дома, родители постоянно зависали на работе. Молодая девушка положила ноутбук на столик и покрутилась у зеркала. Значит и ей пора напомнить о себе. Тем более она почти сутки не видела его, это очень долго, и она безумно соскучилась по нему. Ее личико озарила улыбка, глаза заблестели, ей не терпелось обнять его.

– Но только не в этом! – она ткнула пальчиком в зеркало. – Ты в этом наряде к нему не пойдешь, красотка! Ты звезда, – напомнила она самой себе, – ты должна сиять, покорять, соблазнять!

– Сеньорита Эва, вы вернулись, – из кухни вышла служанка.

– Да, но ненадолго, Бенита, я через пол часа уйду, – сообщила она.

– На ужин не останетесь? – уточнила она, вытирая руки о передник.

Эва махнула рукой и скрылась в комнате:

– Ужинать я буду со своим женихом, – уже из спальни раздался ее голос.

Бенита покачала головой:

– Никак не успокоится моя девочка, – вздохнула она.

– И не вздыхай, – Эва словно услышала ее. – Ты же знаешь, что он женится на мне. Это наша судьба!

Бенита посмотрела в сторону спальни Эвы.

– Сеньорита, пришло письмо, оно для сеньора Артуро, – сообщила Бенита.

Эва выглянула из спальни:

– Мой отец придет вечером домой, и сам прочитает, я не курьер, чтобы носить письма, – заявила она, предупреждая просьбу служанки. – Я тебя люблю, моя дорогая Бенита, но письмо не понесу. Зачем так спешить? – она пожала плечиками.

– Как скажете, сеньорита, – Бенита покрутила в руках конверт с государственной печатью, положила его на журнальный столик, рядом с ноутбуком.

– Бенита, сделай мне апельсиновый сок, – Эва выбежала в одном белье из спальни. – Ой, я же должна была отправить ему проект контракта, – вспомнила она и сдернула ноутбук со столика.

Эва убежала в спальню, не заметив, как письмо с государственной печатью слетело со столика и спикировало на пол, залетев под диван...

...Рейнальдо присел на диван. Он осматривал кабинет, в котором бывал не часто. Тяжелая мебель, большой стол, огромное кресло и массивный диван. Темная отметина на ламинате, как будто бы опалина. Свежая, такой не было раньше.

– Сигару уронила... Кармен, – сообщил Артуро и зашел в кабинет. – Добрый вечер, – он протянул ему руку.

Рейнальдо привстал и пожал худую ладонь Артуро. Артуро слегка приподнял подбородок, чтобы казаться на одном уровне с Рейнальдо. Один коренастый, второй худощавый, Рейнальдо в костюме без галстука, Артуро же с иголки одет. Только сейчас Рейнальдо заметил, что его обувь запылилась после посещения кладбища.

– Да, сеньор, – в кабинет зашла Кармен, – вы меня звали?

– Принеси нам, – он взглянул на Рейнальдо, удобно расположившегося на диване.

– Виски, – он смотрел на Артуро, – у нас ведь есть повод, чтобы выпить? – уточнил он.

– Возможно, – Артуро завел руки за спину и сжал ладони. – Я все еще думаю над твоим предложением.

– Думай, – Рейнальдо закинул ногу на ногу, выглядел очень расслабленным.

– Ты напоминаешь, что моя доверенность подходит к концу, – Артуро встал напротив него, слегка расставив ноги.

Рейнальдо лишь развел руки:

– Мне стоит напоминать? – уточнил он.

– Заметь, что это наследие моего отца, – начал Артуро.

– Именно твой отец предложил стать мне компаньоном, – слегка наклонив голову напомнил Рейнальдо. – На сегодняшний день ты управляешь фирмой только по доверенности, полное право принадлежит твоей сестре Оливии.

– Тебе нравилось с ней работать, – глаза Артуро слегка сузились, он как коршун смотрел на него. – На что ты рассчитывал? Убедить передать правление в твои руки, потому что она была беременна, потому что стала мягкой?

– Виски, сеньор, – в кабинет зашла Кармен.

– Поставь на стол и закрой дверь, – жестко распорядился Артуро. – У нас важный разговор!

Кармен побледнела, бокалы звякнули на подносе. Она с испугом, боясь вновь разлить, поставила на столик бокалы и выскользнула за дверь.

– Где мой отец, Кармен? – в приемной появилась Эва в шикарном брючном костюме с глубоким декольте. – Как я выгляжу?

– Он занят, у него деловая встреча, – она присела на свое кресло. – Обворожительно.

– Я старалась, – улыбнулась Эва. – В офисе Рейнальдо никого нет, – Эва подошла ближе к столу Кармен. – А где моя мама?

– Сеньора уехала по делам, – Кармен взяла ручку, она откручивала и закручивала колпачок. – Сеньор Рейнальдо у твоего отца, – сообщила она.

Эва встрепенулась:

– Что же ты молчала все это время, подруга?! – она быстрым шагом направилась к двери.

Кармен проявила удивительную ловкость, умудрившись оказаться впереди Эвы. Она вытянула руки, преградив ей путь:

– Не сейчас, Эва, не сейчас, пожалуйста, – взмолилась она.

– Ты чего? – Эва остановилась и поставила руки в бок, – боишься моего отца? – она смотрела строго на нее, а потом улыбнулась и обняла Кармен, – он не кусается, он такой душа.

– Я его сегодня сильно разозлила, – призналась девушка.

– Не съел же тебя, покричал, он кричит часто, – кивнула Эва, – но быстро отходит, он такой добрый и ласковый, подруга, а сейчас, – она выпустила ее из своих объятий, – я жажду увидеть своего жениха.

Эва легко отстранила Кармен, открыла дверь и зашла в кабинет Артуро. Мужчины повернулись к ней.

– Папа, – Эва обхватила отца и чмокнула его в щеку, – Рейнальдо, – она повернулась к объекту своей любви, – ты не звонишь мне, а я соскучилась.

Рейнальдо лишь приподнял брови. Девушка подошла к дивану и плюхнулась около него, скользнув ему под руку. Артуро разжал руки и скрепил их на груди. Он смотрел на дочь и Рейнальдо, сидевших рядом друг с другом, словно парочка.

– Эва, – Рейнальдо посмотрел на девушку.

– Да, – она уткнулась в его плечо, – какой у тебя голос, мурашки по всему телу, – призналась она.

Артуро закатил глаза:

– Эва, у нас важный разговор, – начал он.

– То есть я вам помешала? – она выразительно взглянула на отца. – Уже восемь вечера, а вы оба на работе и все еще работаете?

Рейнальдо хмыкнул, едва сдерживая смех. Он аккуратно убрал руку и встал с дивана.

– Я так понимаю, что разговор у нас не окончен, – он подошел к столу и взял слегка помятый бумажный календарь. – Через неделю я сделаю свое предложение другому человеку, – сообщил он и вернул календарь на стол.

– Какому человеку? – встрепенулась Эва, – Что вы скрываете от меня? – она поднялась с дивана. – Рейнальдо, ты не можешь говорить загадками, я твоя будущая жена, у нас не должно быть тайн.

Артуго молча смотрел на дочь и Рейнальдо.

– Ты мне как дочь, – Рейнальдо щелкнул ее по кончику носа.

– Но ведь не дочь! – топнула она ножкой. – Я молодая, красивая, не глупая, я рожу тебе еще сына и дочь, ты ведь хочешь этого? Тебе нужна жена. Молодая жена! Так сейчас модно! Ты будешь в тренде! Ты, – она осмотрела его с ног до головы, – и я, рядом с тобой. Мы вместе отлично смотримся.

– Эва, – Артуго коснулся руки дочери, но она одернула руку.

– В тренде увлечешься молодым парнем, красотуля, – Рейнальдо сжал ее в своих медвежьих объятиях. – Я твой крестный отец, – напомнил он ей и выпустил ее из своих объятий. – Забудь ты уже о своей навязчивой идее, посмотри на молодых, – посоветовал он. – Я уже стар.

– Ты в полном расцвете сил. Я люблю тебя, – Эва схватила его за руку. – И мне не нравятся молодые, с ними совсем не интересно.

– Поверь, и я тебя люблю, – улыбнулся Рейнальдо, – как дочь, – добавил он.

– У тебя нет дочери! – упрямо заявила Эва. – Я рожу тебе дочь и сына.

– Эва! – Артуго положил руку на плечо дочери. – У Рейнальдо есть сын, – напомнил он.

– Папа, перестань вмешиваться в наши отношения! Я люблю Рейнальдо и выйду за него замуж! А Максимилиано мне как брат, мы вместе выросли, и прекратите мне пророчить его в женихи, и при том, – она приподняла указательный пальчик, – если вы оба еще не заметили, то наш Макс влюблен в Ису.

Артуго покачал головой. Рейнальдо развел руки. Они оба были не в состоянии урезонить молодую особу.

– Кармен, – они одновременно позвали свою спасительницу.

– Сеньоры? – она зашла в кабинет и посмотрела на них.

– Всем кофе, – Эва посмотрела на отца и Рейнальдо, – не нужно. Мы вместе идем ужинать. Я же не просто оделась так красиво. Папа, позвони маме, может быть она к нам присоединится? Кармен, а ты иди отдыхай, совсем тебя вымотал мой папа.

Кармен побледнела еще больше. Рейнальдо, пользуясь заминкой, вышел из кабинета и быстрым шагом направился к переходу. Он редко пользовался им, но сегодня был тот самый случай, он сбегал от своей крестницы и ужина, на который ему совершенно не хотелось идти...

... она шла за братом, понимая, что разговор был неизбежен. Как бы она не удерживала Максимилиано, но ему пришлось уехать, оставив их около дома.

– Когда ты отправила прошение? – стоило закрыть дверь, Матиас сразу же спросил ее. – Ты отправила все документы?

Исабель положила сумочку и повернулась к брату:

– Я бы уточнила, – заметила она, – что отправила прошение, как раз потому, что были предоставлены не все документы. А именно не было документов о вскрытии, либо он был специально уничтожен, я до сих пор не могу найти этот документ. Не было освидетельствования машины, а потом она странным образом исчезла. Разве это все не наводит на размышления?

– Иса, – Матиас покачал головой. – Ты хоть понимаешь, во что ввязываешься? Она убийца.

– Это говорят все, но доказательств очень мало. Она была на месте преступления, – Исабель рассказывала по их небольшой гостиной. – Женщина провела в тюрьме двадцать лет за преступление.

– Она убила собственного мужа и женщину, находившуюся с ним в машине, – напомнил ей брат. – Ты думаешь, что суд просто так взял и осудил ее на пожизненное?

– Его любовницу, – уточнила она, – наш отец умер, так и не довел это дело до конца, – заметила она.

– Может быть он умер потому, что вел это дело? – взвился Матиас. – Или у него просто случился сердечный приступ, а ты приписываешь этому такую таинственность, потому что везде тебе мерещится несправедливость.

– Ты не хочешь это узнать? – спросила она.

– Нет, я хочу оставить все так, как есть, – он подошел к ней и взял ее за плечи. – Мы потеряли отца, я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Матиас, родной, – она сжала его лицо ладонками, – ты слышишь себя? Ты понимаешь, что подтверждаешь сам, что дело сеньоры Оливией Торрес шито белыми нитками, кому-то было очень выгодно устранить ее? Ты это понимаешь? Наш отец видимо понял это, нашел доказательства и его, – она запнулась.

– У него не выдержало сердце! – Матиас сжал ее плечи сильнее. – Просто сердце, и мы лишились отца. А если ты хочешь подумать о том, у кого была выгода, то ты сама с легкостью ответишь на этот вопрос, – он всматривался в ее глаза, – у твоего будущего тестя и ее брата. Им двоим мешала Оливия Торрес. Так ведь?

– Если ее осудили несправедливо, то я это выясню, – упрямо заявила Исабель, игнорируя его вопрос. – Ты понимаешь, с ней даже запрещены свидания! – она покачала головой. – Так не бывает.

– Она сама отказалась от всех встреч, – напомнил Матиас.

– Это нам так сказали, а на самом деле она отказалась или кто-то не хочет, чтобы с ней говорили? – Исабель обхватила себя руками.

– Ты не слышишь меня, ты рушишь свою жизнь, пускаешь ее под откос. У тебя отличная работа, а ты пилишь сук, на котором сидишь, ты кусаешь руку, которая тебя кормит, – он отпустил ее плечи и сделал шаг назад.

– А ты боишься, что если меня уволят, то тебе нечем будет платить аренду, и твой салон заберет банк, потому что моя государственная подработка носит сугубо инициативный характер! – выпалила она. – Мне за нее никто не платит.

– Иса, остановись, прошу тебя, – взмолился Матиас. – У нас все будущее впереди. Подумай о Максимилиано.

– В той машине была его мать, – спокойно заметила Исабель, – Макс уже взрослый мальчик, чтобы узнать, что его мама изменяла его отцу.

Матиас схватился за голову:

– В кого ты такая упертая? Зачем тебе все это? – он искренне не понимал ее.

– Дедушка всегда говорил, что каждому воздаться по его делам, – прошептала она.

– Так подумай о дедушке, подумай хотя бы о нем, если на все остальное тебе наплевать, – взмолился Матиас.

– Тебе страшно, – кивнула Исабель, – я это могу понять, – призналась она, – и мне страшно, потому что сможем ли мы с тобой выстоять, когда вся правда откроется, если уже сейчас ты отдаляешься от меня, а ведь мы всегда с тобой были вместе.

– Я тебе не понимаю, – он качал головой. – У тебя все складывается так удачно: работа, жених, уважение, а ты, – он не договорил.

– Знаешь, она сломала каблук, думаешь, что она давила на газ? – Исабель подошла к окну, – нет, я думаю, что она тормозила, – она задернула шторы. – А если она тормозила, – она повернулась к брату, – она не хотела их убивать. Все было совсем не так, как представили в суде. А это значит, что пока ее вина не доказана, значит она, – Исабель посмотрела на брата, не договорив.

Звук сообщения на мобильном нарушил воцарившуюся тишину. Исабель открыла сообщение, ей хватило всего нескольких мгновений, и ее губы задрожали.

– Ты это сделала не сегодня! – понял Матиас. – Ты обманула меня! Ты давно отправила документы. Что там? Что? – требовал он ответа, который уже знал.

– Теперь уже ничего не изменить, – прошептала Иса и села на кресло, – либо все, либо ничего, – она читала электронное письмо на мобильном, вновь и вновь...

... его взгляд вновь остановился на письме, лежащем на столе, еще не вскрытом. Незнание казалось ему лучшим решением. Рейнальдо отошел от столика и сел за фортепиано. Пальцы коснулись клавиш. Он играл Баха. Ему нравилась эта симфония, она позволяла ему почувствовать себя живым, она будоражила его сознание.

– Что на этот раз? – Максимилиано положил ключи от машины и подошел к отцу. – Что тревожит?

Рейнальдо взглянул на сына. Уже совсем взрослый, но еще такой молодой. Ему хотелось столько всего ему показать, рассказать, но он молча играл и смотрел на сына. Макс облокотился об инструмент и посмотрел на отца. Это были самые приятные минуты для обоих. С самого детства он помнил, как Рейнальдо играл, а он сидел рядом и слушал. Именно он приучил его к классической музыке.

– Ты совсем мало спишь, – заметил Максимилиано, – тебе нужно больше отдыхать.

Рейнальдо в последний раз коснулся клавиш, музыка еще лилась, отлетая от стен, а он уже опустил крышку и поставил локти на нее, положил подбородок на руки.

– Успею выспаться, – отмахнулся он.

– Нет, – Макс покачал головой. – Так не пойдет.

Они смотрели друг другу в глаза, а между ними стояло фортепиано.

– Только не говори, что, – Макс не закончил.

– Нет, – улыбнулся Рейнальдо, – нет. Ты ужинал?

– Да, я сыт, а ты? – Макс выпрямился.

– А я сбежал от Эвы, – признался Рейнальдо.

Максимилиано расхохотался в голос.

– Ты знаешь, а она права, – заметил он, похлопывая отца по плечу, – тебе пора жениться.

– Конечно, мой сын решил меня женить, с чего бы это? – он встал.

– Потому что я и Иса, – Макс сунул руки в карманы, – ну мы как бы вместе.

– Как бы или вместе? – уточнил Рейнальдо.

– Ну да, – кивнул Максимилиано.

– Так да или ну? – настаивал Рейнальдо.

– Да, мы вместе, но не дави на меня, – поднял руки Макс.

– И поэтому ты решил, что мне тоже нужна пара? – хмыкнул Рейнальдо. – На тебя я значит не должен давить, а тебе можно?

Его взгляд снова задержался на мгновении на невскрытом конверте.

– Да, ты все время думал и заботился обо мне, пора и мне позаботиться о тебе, – Максимилиано сел в кресло и откинулся на спинку, запрокинул голову.

– Будешь искать мне жену? – рассмеялся Рейнальдо. – Поверь, у меня есть женщины.

– Женщины, это женщины, это все не то, нужна такая, которая бы позаботилась о тебе, как мама заботилась, – он вздохнул.

– Да, – ни один мускул не дрогнул на его лице, – как твоя мама заботилась обо мне.

– Ты так мало говоришь о маме, – Максимилиано закрыл глаза, – как думаешь, ей бы понравилась Исабель?

– Возможно, – кивнул Рейнальдо, – думаю, что да. Исабель – хорошая девушка.

– Она не была бы против, что она из простой семьи? – не унимался Максимилиано. – Как мама относилась к людям не нашего уровня?

Рейнальдо подошел к барной стойке и налил себе виски. Он сделал глоток.

– Папа, ты не ответил, – Максимилиано смотрел на отца.

– Мама лояльно относилась, – произнес Рейнальдо.

– Ты сегодня странный, не хочешь говорить о маме, а мне ее не хватает, особенно сейчас, – Максимилиано достал телефон.

Сообщений от Исы не было.

– Извини, я сегодня плохой собеседник, – признался Рейнальдо. – Мне тоже не хватает мамы, – выдавил он сквозь зубы, – но нам вдвоем все же не плохо ведь?

– Да, конечно, – Максимилиано сунул телефон в карман и встал. – Ты лучший отец, и я буду искать тебе жену, ты еще можешь создать семью.

– Ты же знаешь, что это невозможно, – покачал головой Рейнальдо, – как бы я не хотел, я не смогу.

– У тебя ремиссия, уже несколько лет, ты не можешь вечно прятаться за тем, что у тебя был рак, – Макс стоял рядом с ним.

– Он может вернуться, – Рейнальдо вновь посмотрел на конверт.

– Так вскрой его и узнай результаты, ты оттягиваешь момент, тратишь свою энергию на то, что может быть совсем не стоит твоего внимания, – Максимилиано взял конверт со столика. – Открой.

– Я потом открою, – нахмурился Рейнальдо. – Не сейчас. Сейчас, – он приобнял сына за плечи, – мы идем ужинать. Вернее, я ужинать, а ты составлять мне компанию...

... в компании своей жены проводить вечер было особенно приятно. Артуро удобно расположился на диване. Белоснежные кудри его жены легким покрывалом опускались на ее плечи. Он с удовольствием любовался ею.

– Папа, мама, я нашла себе свадебное платье, – в гостиную зашла Эва с журналом в руках.

– Дочка, обрати внимание на Максимилиано, хватит бегать за Рейнальдо, он взрослый мужчина, – женщина отложила планшет в сторону.

– Именно потому, что он взрослый, мама, он меня и привлекает, – отмахнулась Эва. – Он мне нравится, мне с ним интересно, я идеальная пара для него, – она посмотрела на отца, – и я его не видела уже несколько дней после того, как встретила его в твоём кабинете.

– Несколько дней, – покачал головой Артуро, – четыре, если быть точным.

– Целых четыре дня я не видела своего мужчину, – Эва закатила глаза.

Четыре дня избегал встреч с ним и Артуро. Он оттягивал разговор, словно все могло само собой разрешиться.

– Глория, может быть пусть Эва и Рейнальдо поженятся? – выдвинул предложение Артуро.

– Да, папочка, я так тебя люблю, – закричала Эва, – я уже выбрала свадебное платье, – она подбежала к отцу. – Ну же, мама, соглашайся.

Глория взглянула на мужа и покачала головой.

– Это не решит проблему, – заметила она.

– Не знаю о каких проблемах ты говоришь, но моя свадьба с Рейнальдо решит все, – она присела на подоконник и открыла станицу, которая была заложена стилусом. – Вот смотри, одобряешь? Я буду выглядеть в этом платье по-королевски.

– Эва, Рейнальдо стар для тебя, – Глория была категорически против. – Я все время просила тебя обратить внимание на Максимилиано.

– Макс меня не интересует, я же выросла с ним вместе, – напомнила она.

– Рейнальдо тебе как отец, – Глория поднялась с кресла. – Вы все время проводили вместе, вот ты и перепутала привязанность с любовью.

– Если честно, то Рейнальдо больше времени проводил со мной, чем вы, – в ее голосе послышался укор.

Она стучала стилусом по странице.

– Он твой крестный, – Глория подошла ближе к мужу и дочери.

– Он же мне не кровный родственник. Он чужой мужчина, который в церкви стал мне крестным, но это не считается, если мы любим друг друга, и он кстати, – она повернулась к Артуро, – признался мне в любви в твоём присутствии.

– Это правда? – Глория не верила дочери.

Артуро покачал головой:

– Все не так было, – начал он.

– Так, так, – Эва вскочила, стилус выпал из ее рук и закатился под диван. – Он обнял меня и сказал, что любит. Ты не можешь отрицать этого.

– Это какой-то сумасшедший дом, – Глория отвернулась от них и отошла.

– Дочка, милая, – Артуро смотрел, как Эва встала на колени, пыталась нащупать стилус под диваном. – Рейнальдо сказал, что любит тебя, как дочь.

– Сейчас как дочь, а когда у нас свершится все, то он полюбит меня, как дочь, – она пыхла, пытаясь достать стилус, – а вот он и, – Эва запнулась.

Она вытащила стилус и конверт с государственной печатью.

– А вот и письмо, Бенита сказала, что оно для тебя, держи, – Эва сунула Артуро письмо и взяла журнал. – Вы еще не готовы к разговору о моей свадьбе, я подожду, я умею ждать, а пока подберу и вам наряды.

Она повернулась и вышла, оставив после себя яркий шлейф духов.

– Что это? – Глория подошла к мужу. – Откуда?

Артуро повернул к ней лицевой стороной.

– Не может этого быть, мы же, – она замолчала. – А может она, – Глория не договорила. – Вскрывай.

Артуро судорожно сглотнул и открыл конверт с государственной печатью...

...скорее всего конверт с ее письмом уже попал к ее сыну. Несколько дней в полном отчаянии и ожидании. Письмо было отправлено пять дней назад. Сын, всего одна лишь мысль билась в голове. Каждый завтрак, обед и ужин она ждала известия, хоть какого-то, чтобы наконец-то встретиться с ним. С наступлением ночи она понимала, что приближался день не только встречи с сыном, но и встречи с ним. Среда. Разве можно ненавидеть день недели?

Оказалось, что можно. Оливия ненавидела среду всем своим существом. Поворот ключа в замке заставил ее встать и повернуться лицом к стене. Упершись лбом об шероховатую поверхность с ямками, она завела руки за спину. Дыша в стену, женщина не вздрогнула, стоило холодному металлу коснуться запястий. 20 лет большой срок, чтобы не суметь привыкнуть. Толчок в плечо, она повернулась и вышла из камеры. Полумрак длинного коридора, как приговор, безжалостный и безапелляционный – словно эшафот – каждый раз, все эти двадцать лет один раз в неделю, словно по расписанию за ней приходили, надевали наручники и вели вдоль стен, требующих покраски. Она практически привыкла, если это можно было так назвать, но все эти дни она ждала сына, и совсем не была готова к другому.

Трещина на плитке, отколотый кусок скрипнул под ногами, выбоина, она шла, машинально отмечая все это на своем пути. Двадцать лет – сорок один шаг, остановка, лицом к стене, механический скрип двери и полоска света, такого же серого, как и все, что ее окружало. Она ждала, что снимут наручники, что привычно толкнут в комнату к коменданту и захлопнут дверь.

– Пошла, – ее грубо затолкнули в комнату, оставив наручники на запястьях, и захлопнули дверь за ее спиной.

Спертый воздух в комнате без окон и запах мужского пота ударили в нос. Она не поднимала голову, смотрела на плитку, отмечая новый орнамент трещин, разошедшихся паутинкой в разные стороны. Маленький паучок, такой же серый, блеклый спустился сверху, она даже не поняла откуда он взялся. Коснулся своими мохнатыми лапками грязного пола и замер. Он такой же пленник в этой комнате, как и она. Замер, ожидая своей участи. «Беги, уползай», – мысленно попросила она его, услышав скрип железных ножек по битой плитке. «Скорее», – молила она, – «ты можешь, ну же, давай!» она стиснула зубы, даже не вздрогнув. Кряхтение и тяжелая поступь приближались. «Ты можешь!» – во рту все пересохло. «Можешь! Не стой, двигайся! Уползай!» – беззвучно кричала она, смотря на паучка, не моргая. И все же она вздрогнула, пыльный ботинок безжалостно размазал насекомое, не оставив мокрого места. Она закрыла глаза и вздохнула. Был паук и не стало его. Вот так и ее больше не существовало. Ничего не осталось от нее. Совсем ничего.

Больно. Всегда становилось больно, когда он сжимал пальцами ее хрупкие плечи, толкая на холодный пол. Синяки практически не проходили, отпечатались на ее коже, становясь ее клеймом. Холод повсюду, холод внутри нее. Она, наверное, никогда уже больше не согреется. Никогда.

– Быстрее, знаешь же, что делать нужно, давай, нет у меня времени сегодня на тебя, – услышала она сверху, стараясь устоять на коленях.

Руки неприятно свело судорогой. Она смотрела на его ширинку. Знала, она знала, чего он хотел, но с заведенными за спину руками, она просто стояла перед ним на коленях и смотрела на его грязные штаны, почему его штаны всегда были грязными? Странная мысль, ей бы думать о другом, но ее мозг словно защищал ее, заставляя размышлять о чистоте его брюк.

– Быстрее, – нетерпеливо рявкнул он и сжал ее плечи своими мясистыми пальцами. – Все как всегда, подними, отсоси, на стол, лицом вниз, – скомандовал он. – Сеньора! – расхохотался он.

Она равнодушно смотрела на него. Все стало настолько механическим, двадцать лет один раз в неделю, он имел ее словно бездушную куклу, стараясь как можно грубее, всегда оставляя синяки, а потом проверял, как они цвели, и оставлял новые отметины, словно она было его собственностью – что хотел, то и делал. А делал всегда одно и то же. Он завозился со штанами, и перед ее глазами появился его сморщенный детородный орган. Она бы его... она бы... но она просто чуть подалась вперед, не обращая внимания на вонь, исходящую от его давно немытого тела. Почему он мылся редко? Снова эта спасительная мысль защищала ее от реальности.

– Сосочка моя, сеньора, – он усмехнулся и сжал ее голову руками. – Каково это, когда тебя трахает, такой как я? – всегда один и тот же вопрос. – Дама из высшего общества! Имею тебя, как хочу, когда хочу?! – он закатил глаза.

Она же просто уставилась на его мошонку, широко раскрыв рот. Он намотал ее волосы на свой кулак, дергал и направлял.

– Хватит, – он потянул ее за волосы, поднимая на ноги.

Она бы упала, но он толкнул ее на стол и сдернул с нее штаны не ее размера. Грудь расплющилась об стол, взгляд уперся в стену, шлепок по ягодицам, один, второй – она практически не поморщилась, когда он овладел ею.

– Как всегда, сухая, – рассмеялся он, – сеньора, – он прижался к ее бедрам, – эх, не расшевелить тебя! Знаешь, – он практически лег на нее, – иногда мне так хотелось пустить тебя по кругу, – признался он, – чтобы все тебя поимели! Чтобы все попробовали сеньору из высшего общества!

Ее ресницы слегка дрогнули, но ни одного звука не слетело с ее губ. Пустой взгляд в стену, она уже даже мысленно не просила, чтобы это закончилось побыстрее – какая теперь разница. Раньше она плакала, молила не трогать ее, просила, ради ребенка, которого она носила

под сердцем. Ребенка от мужа. Когда-то она была замужем, была семья, муж, сын, теперь же она никто, пустое место. Пустое место.

Он имел ее в этот раз с какой-то яростью, грубо, жестко, оставляя новые синяки и ссадины на истерзанном теле. Лишь встреча с сыном, всего одна, а потому ей уже ничего больше не нужно, просто увидеть его, ее взгляд опустился ниже, на полное мусорное ведро с бумагами, пустыми пивными бутылками, что-то коричневое мелькнуло на клочке бумаги, как будто бы знакомое.

– Для себя держал, – хмыкнул он и задрожал, кончая в нее. – Столько лет пытался обрюхатить, – он оттолкнулся от нее и запыхтел позади нее. – Хотел, чтобы понесла от меня, чтобы от меня родила, сеньора! Ты меня запомнишь! – он размахнулся и ударил ее по ягодице, раз, другой, оставляя отпечатки своих пальцев. – Навсегда запомнишь, когда соберешься с сеньором в постель, меня вспоминать будешь! – он размахнулся и снова ударил. – Сеньора! – он застегнул свои штаны, – давай, поднимайся, разлеглась! Двадцать лет я имел тебя, двадцать лет кончал в тебя! – он дернул ее и повернул к себе лицом. – Двадцать лет ты отсасывала у меня, знаешь, столько не каждая жена отсасывает, а ты исправно делала свою работу! – он потрепал ее по бледной щеке, заглядывая в ее глаза.

Она молчала. Зачем? Зачем ему был нужен от нее ребенок? Для чего? Сначала она этого страшно боялась. В первый год он насиловал и насиловал ее почти каждый день, пока она не потеряла своего ребенка, пока он не искупал ее в ее же собственной крови. Потом она чуть было не умерла от воспаления, но зачем-то выжила. И эта его навязчивая идея – ребенка от меня родишь, сеньора. Он тогда был на двадцать лет моложе, хуже. А потом он начал бить ее, бить, потому что она не беременела и не беременела. А когда перестал бить, просто истязал, делал нарочно больно, чтобы слышать, как она стонала, чтобы хоть что-то издавала, хоть какие-то звуки.

Он грубо сжал ее грудь, ничем не сдерживаемую под тканью коричневой тюремной формы. Смял вторую, смотря ей прямо в глаза. Она выдержала его взгляд, ресницы не дрогнули, несмотря на боль и унижение, она стояла перед ним прямо, с заведенными руками за спину, скованными наручниками запястьями. Смотрела ему прямо в лицо. Он взял ее подбородок, повернул рукой в одну сторону, другую, рассматривал. Ее взгляд зацепился за коричневую отметку на воротнике, видимо порезался, когда брился, снова спасительная мысль пронеслась и ускользнула. Коричневое пятно... пятно... бумага.

– Руки, – она на мгновение закрыла глаза. – Освободи мои руки.

– Ничего, – дышал ей смрадом в лицо, – я новую сеньору найду, – он все еще держал ее лицо за подбородок, – а тебя запомню, ты ведь первая у меня сеньора! Первая!

– Руки, – повторила она, слегка дернулась и повернулась к нему спиной. – Руки, я обниму тебя, чтобы ты запомнил, хочешь моей ласки? Получишь. Руки.

Он хмыкнул от неожиданности. Она не говорила вот уже больше десяти лет, ничего не просила, абсолютно ничего.

– Зачем? – просто спросил он, утратив свой гонор, слегка нахмурился, топтался рядом.

Взгляд Оливии вновь остановился на коричневой отметке, оставленной ею на письме сыну. Ее письмо так и не покинуло стены тюрьмы. Ее взгляд заметался по столу, пока не наткнулся на канцелярский ножик. Он никогда не отправлял ее письма, ее сын не знал, что она ему писала, он не знал, что она молила его о прощении, он не знал, что она просила прийти его к ней. Он ничего не знал. И он никогда не узнает.

– Руки, – она напomniaла о своей просьбе, – и я подарю тебе объятие, я подарю тебе ласку, которую может дать только сеньора, ты же хочешь этого?

– О да, – прошептал он, – но тебе придется постараться, я уже не так силен.

– Сомневаешься в моих умениях? – она бросила ему выбор, не отрывая взгляда от ножа. – Ласка сеньоры, о который ты мечтал столько лет, когда я сама все подарю, когда ты будешь принимать. Ты же этого хотел все эти годы?

– В тебе, сеньора? Нет, – легкий шелчок и тяжесть металла освободила ее запястья. – сегодня ты подаришь мне себя, а завтра я найду себе новую сеньору.

Ее ресницы дрогнули, она сфокусировала на нем свой взгляд зеленоватых глаз. Новую сеньору?! Ее сердце сжалось в непонятной тревоге. Новую. Значит закончились ее мучения, эти пытки раз в неделю, закончилось насилие над ее телом. Она словно не верила в то, что слышала... или слышала, что хотела. Она все-таки чего-то хотела. Хотела, чтобы он прекратил измываться над. Она хотела... она ничего не хотела. Она все утратила, желания, мечты, волю. У нее более ничего не осталось... нет осталось... сын, где-то там без нее вырос ее сын. Сын, который никогда не знал матери, потому что он никогда не отправлял ее письма. Ее рука нащупала нож, а вторая коснулась его волос, она неловко поддалась к нему.

– Ты запомнишь свою сеньору, – прошептала она, – потому что это будет последний день в твоей жизни, – Оливия резко вывернула правую руку и канцелярский нож уперся в сонную артерию, ей уже было нечего терять. Она смотрела как по его рыхлой коже поползла красная струйка...

Глава 2

Струйка крови медленно ползла вниз, а она смотрела в его глаза и не видела страха. Ее мучитель расхохотался ей прямо в лицо.

– Убить меня хочешь?! О да, – его тело сотрясилось, лезвие ножа глубже впивалось в его кожу, – давай, сделай это и подпиши себе смертный приговор, – он любил.

– Я тебе выписываю смертный приговор! – Оливия не понимала его веселья, и это сбивало ее с толку.

Он чуть подался к ней:

– Ты не понимаешь, сеньора, ты ничего не понимаешь. Тебе был выписан смертный приговор двадцать лет назад, особый, – выдохнул он, не обращая внимание на металл, вонзающийся в его кожу. – Я так ждал, столько лет ждал, когда же ты среагируешь, слишком долго ты тянула, мы бы так хорошо проводили бы время, – он надавил на нее, и она уперлась в его стол.

Он все еще властвовал и довлел над нею, словно не было этого ножа, как будто бы не боялся за свою жизнь или не верил, что она могла убить. Она почувствовала его возбуждение. Впервые за много лет он вновь захотел ее, спустя считанные минуты после полового акта.

– Я уже убила раз, – Оливия шагнула к нему, но лишь ударилась об его обрюзгшее тело, коснулась его возбужденной плоти.

– Убей меня! – он скалился, обдавая ее смрадом недавно съеденной пищи.

Оливия качнула головой, всматривалась в его глаза. Он еще крепче прижал ее к себе, в очередной раз показывал и доказывал ей, что она просто игрушка в его руках.

– Нет у меня времени больше на тебя! – с раздражением и сожалением выдохнул он. – И у тебя его нет, сегодня без души, так пойдешь! – он сжал ее ягодицы и прижал. – Так пойдешь! – он потерялся об нее пахом. – С моим семенем в тебе, чтобы знала, чтобы помнила, кто тебя трахал столько лет. Никто со мной не сравнится! – он смеялся, брызжа слюной. – Я все равно больше всех, слышишь?! Больше всех тебя трахал! – он грубо сжал ее подбородок. – Двадцать лет я трахал тебя, сеньора! Двадцать лет я кормил тебя своей спермой – никто не сможет побить мой рекорд! Никто!

Рука Оливии дрогнула. Он словно напрашивался, провоцировал ее, потому что... потому что это было прощанием. Пальцы разжались, падение ножика глухим стуком прокатилось по кабинету. Она не выдержала и полусела на его стол, уперлась руками об столешницу, смотрела в пол.

– Сеньора, – он прижал ее голову к себе, впервые за все эти годы провел рукой в скромной и ненужной ласке, – а я ведь к тебе привык, – он перестал смеяться и скалиться. – Даже, – он не договорил и отпрянул, – но ты ко мне вернешься, ты не сможешь там, никто не может, тем более после такого.

Оливия не поднимала голову, трещинки на плитке расплывались, плечи затряслись. Ее освобождали? Она ничего не понимала, не верила. Может зря она на него напала, может он не отправил письмо ее сыну, потому что знал, что она выйдет?

– Я тебя ненавижу, – она медленно подняла голову.

– Уже что-то, – он вновь рассмеялся, поправил брюки, – я стану твоим кошмаром, – он вновь подошел ближе.

– Я засажу тебя в тюрьму за все твои издевательства и изнасилования, – она толкнула его в грудь.

Он схватил ее за запястья и легко скрутил, надел наручники. Столько лет проработав в тюрьме, он отлично управлялся с бунтарями, умело применял приемы, несмотря на свою набранную за годы полноту, которая совершенно ему не мешала в этом.

– У тебя ничего не получится, – он подтащил ее к двери. – Даже не пытайся, сеньора. Ты просто вновь попадешь ко мне, и в следующий раз навсегда.

Оливия даже не успела ничего сказать в ответ. Он распахнул дверь:

– Увести, сеньору! – распорядился он, вытолкнул ее и захлопнул дверь.

– Я хочу знать! – Оливия намеревалась повернуться, но ей не позволили, грубо толкнув в спину. – Хочу знать! Хочу знать, – твердила она.

Сорок один шаг назад дался ей с трудом, сердце странно сжималось в груди, с губ рвались вопросы, но задать их было некому. Когда ее освободят? Почему? Освободят ли? Может она совершила ошибку, может стоило ей надавить сильнее и решить все в том кабинете, покончить со всем. Оливия, как загнанный зверь металась по своей камере.

– Мой маленький Санти, прости меня, – молила она, – я была в шаге от встречи с тобой, – шептала она, кусая губы в кровь.

Зажав голову руками, остановилась и упала на колени. Она раскачивалась, с губ срывался вой отчаяния. Она хотела знать, она хотела верить, что то, что он сказал – было правдой – она выйдет на свободу. Оливия замерла. Он ничего не говорил такого. Это был ее самообман, она просто поверила в то, во что хотела верить. Свобода для нее? Она не верила. Она ничему не верила. Это не могло быть правдой. Может быть его просто переводили в другую тюрьму? Это ее очередная ошибка... промах.

Маленький паучок спустился сверху прямо к ее рукам. Пришел. Он пришел. Оливия раскачивалась на полу, впервые за все эти годы она понимала, что начинала терять сознание, она начинала сходить с ума, если считала паука другом. Но она протянула руку к своему единственному другу, даже понимания, что это грань отчаяния и безумства. Паучок замер, а она продолжала раскачиваться, тихо подвывая, смотрела на него, понимая, что паутина опутывала ее сознание, а разум медленно превращался в прах...

...

– Это не разумно! – Глория отбросила письмо, словно ее пальцы обжигала бумага. – Она убийца, как ее освобождают? – ее глаза сверкали от гнева. – Артуро? – она взглянула на мужа. – Почему ее освобождают, она же была приговорена на пожизненное. Она убила двоих, – напомнила она ему, словно он забыл об этом. – И твой глаз, твоя сестра выколола его тебе. Она сумасшедшая, ее нельзя выпускать, она может причинить вред кому угодно. Ты хоть понимаешь, что она столько лет провела в тюрьме, кем она стала?

– Она все еще моя сестра, – Артуро встал с дивана. – Она моя сестра.

– Сестра? – в гостиной появилась Эва с очередным журналом. – Разве моя тетка жива? – она сунула глянцевые страницы под мышку. – Вы же говорили, что она умерла, – она задумалась, – сколько-то лет назад, – Эва слегка нахмурилась, пытаясь вспомнить. – Папа? Мама? Я не понимаю, вы меня обманывали? Моя тетя жива? Она же убийца.

Артуро и Глория переглянулись. Эва вздернула подбородок:

– Молчание? Какова причина? – она наседала на них, желая услышать ответ. – То, что у меня была, – начала она и осеклась, – теперь как я понимаю – есть, тетя, я знала, – Эва смотрела на родителей. – Но то, что она жива, стало для меня большим сюрпризом. Неприятным! – уточнила она.

Артуро и Глория молчали.

– Моя тетка убила своего мужа и жену моего любимого, она умерла много лет назад, а теперь она воскресает из мертвых??? – Эва смотрела на родителей. – Рейнальдо знает об этом? – опомнилась девушка. – Он в курсе, что убийца его жены на свободе? Я должна срочно ему позвонить, – она выскочила из гостиной, забыв о том, что хотела услышать ответы.

– Ты должен что-то сделать, – шепотом произнесла Глория. – Она не может появиться тут. Я не хочу ее видеть!

Артуро молчал. Его рука коснулась черного яблока, скрывающего отсутствие левого глаза.

– Ты хочешь, чтобы она лишила тебя второго глаза? – Глория подошла ближе к мужу. – Ты хочешь, чтобы она сделала из тебя инвалида? Слепого?

– Прекрати! – Артуро словно очнулся. – Хватит! – одернул он.

– Она не будет жить с нами! Никогда! – Глория качала головой.

– Она не будет жить с нами, – повторил Артуро. – Она не сможет жить с нами, – он отвернулся от Глории. – Почему сейчас? – растерянно спросил он, не в состоянии принять известие, он не реагировал. – Почему сейчас, когда у нас осталось всего пара дней, – пожал он плечами, недоумевая.

– Ты должен был давно решить вопрос, но ты все тянул, как будто бы у тебя была масса времени, – напомнила ему жена. – Теперь она отберет у тебя все.

– Никогда! – Артуро резко повернулся к ней. – Никогда!

– Твой отец оставил все не тебе, – не унималась Глория, – он завещал все ей, несмотря на то, что она выколола глаз своему родному брату. Почему? – его жена подошла к нему ближе. – Ты хоть раз задавал себе этот вопрос? Почему твой отец забыл о сыне, а все оставил дочери с нестабильной психикой? Твой отец лишил тебя наследства!

Артуро покраснел, его глаз сузился, руки сжались в кулаки. Он готов был выдать тираду, но голос дочери остановил его.

– Ее нужно посадить в клетку, – в гостиной с телефоном в руках появилась Эва. – Я не позволю ей приблизиться к Рейнальдо, она не может покалечить его! Он не берет телефон, почему он никогда не берет телефон, – девушка надула губки, – а если меня убивают, а если мне нужна помощь? – Эва вновь набрала знакомый номер. – Просто гудки, и Макс игнорирует, – она раздраженно топнула ногой.

– Не смей даже говорить такое, – Артуро подошел к дочери и обнял ее, – ты в безопасности! Ты моя дочь, никто и никогда не причинит тебе вред. Ты не должна бояться мою сестру.

– Откуда ты можешь это знать? – Глория подняла лист бумаги, который перевернул их привычную жизнь и положила на столик, отдернула руку.

– Я вообще ее не боюсь, в данный момент меня волнует мой Рейнальдо, – возмутилась Эва. – Она уже один раз причинила ему вред, больше не позволю.

– Хватит бегать за ним, – в голосе Глории проявились визгливые нотки. – Он слишком стар для тебя. Обрати внимание на Максимилиано, вот кто годится тебе в женихи.

– Мама, перестань мне навязывать Макса, он слишком молод для меня, и потом, мы вместе выросли, я вообще его за мужчину не воспринимаю, – Эва хмурилась, продолжая набирать номер Рейнальдо.

– А Рейнальдо ты воспринимаешь? – Глория смотрела на мужа, ища поддержку.

– Конечно, странный вопрос, мама, как его можно не воспринимать? Он такой интересный мужчина, – Эва запнулась, – мой мужчина! И я не позволю, даже моей тетке, причинить ему вред!

– Твоя тетка причинит вред кому угодно! – Глория сжала кулачки. – Она может лишить нас всего.

– Она не лишит меня Рейнальдо! Я ей этого не позволю! – Эва лихорадочно набирала номер Рейнальдо. – Возьми же ты трубку. Это невыносимо оставаться тут, когда он там один и в опасности! Я поеду к нему! – Эва поцеловала Артуро в щеку и выбежала из гостиной.

– Эва, он взрослый мужчина! – крикнула ей в след Глория. – Даже наша дочь действует, в отличие от тебя, – она накинулась на Артуро. – Это ты сейчас должен уже звонить Рейнальдо и говорить ему, что ты согласен на его условия.

– Прекрати! – Артуро схватил ее за плечи. – Я сам решу, что мне делать. Сам! Никто не смеет мне указывать! Слышишь, никто!

– Она еще не появилась тут, а уже диктует условия! Посмотри на себя, – Глория с презрением взглянула на мужа и вышла из гостиной.

Артуго стиснул зубы, взглянул на лист бумаги, принесший эту новость. Он взял его со столика и достал зажигалку.

– Это еще совсем ничего не значит, – он смотрел, как огонь медленно пожирал бумагу. – Ничего не значит.

Артуго держал горящий лист за кончик, и лишь когда огонь подобрался к его пальцам, положил в пепельницу, развернулся и ушел, аккуратно закрыв дверь...

...Дверь, ударившись об косяк, отскочила. Рейнальдо не повернулся. Он знал, кто вот таким образом мог ворваться в его кабинет.

– Это правда? – Максимилиано смотрел на спину Рейнальдо. – Я не верю! – с порога заявил он. – Я не верю, что ее освободили!

Рейнальдо кивнул, стоя к нему спиной. Он смотрел на занавешенное окно темными шторами.

– И все-таки она выйдет из тюрьмы, – задумчиво произнес мужчина.

– Ты вот так спокойно реагируешь на эту новость? – недоумевал Максимилиано. – Как ты можешь оставаться таким? Она убила нашу маму! – напомнил он.

Рейнальдо кивнул и повернулся к сыну:

– Я помню, – сквозь зубы произнес он. – Я очень хорошо помню, как именно моя жена умерла.

– Что ты собираешься делать? Что? – Максимилиано требовал ответа. – Что она собирается делать? Ты знаешь? Я могу предположить. Спокойно расположится в том кабинете? – Максимилиано указал на задернутое шторами окно. – Что все это значит, папа?!

Брови Рейнальдо сошли на переносице, он исподлобья смотрел на сына:

– Если ее выпускают, – он отодвинул кресло и присел в него, – значит на это есть причины, – разумно заметил он.

– Какие? Можешь назвать хотя бы одну? – Максимилиано подошел к столу и уперся в него руками, он смотрел на отца. – Она разрушила нашу семью, она лишила тебя женщины, которую ты любил, а меня, – он ударил себя в грудь, – маленького мальчика – матери! Я вырос без матери! – его голос сошелся на крик. – Ты прекрасно знаешь, как мне ее так не хватало! Ты сидел рядом, когда я болел, ты поднимал, когда я падал.

Рейнальдо скрипнул зубами. Он старался быть ему хорошим отцом. Сейчас слова сына его больно ранили. Рейнальдо прекрасно понимал, что чувствовал Максимилиано.

– Тебе даже нечего мне сказать! – Максимилиано стукнул кулаком по столу. – Что я должен буду делать? Смотреть, как она будет тут ходить? Руководить?! Я должен буду подчиняться ее приказам?! Если ты уже забыл маму, женщину, которая была твоей женой, которая родила тебе сына, то я никогда ее не забуду!

Рейнальдо слегка повел головой, словно получил удар от сына по лицу.

– Я решу этот вопрос, – его голос был слишком спокойным, в то время как зубы плотно сжаты, а желваки ходили ходуном на скулах.

– Как всегда спокоен и невозмутим! – взорвался Максимилиано. – Ты неисправим! Не смей даже говорить, что ты простил ее! – он ударил по столу двумя кулаками.

– Мне не нужно ее прощать, – произнес Рейнальдо, потирая висок.

Максимилиано смел все со стола отца:

– Никогда я не прощу убийцу моей матери! – медленно, четко по словам произнес Максимилиано. – Выкупи все у сеньора Артуго! Ты же все подготовил, все в твоих руках! Надави, как ты умеешь, – потребовал он. – Я не хочу ее видеть. Я никогда не хочу ее видеть!

– Никогда, – Рейнальдо медленно встал с кресла, – не смей разговаривать со мной таким тоном, Максимилиано! – точно также по словам произнес он. – Дела так не решаются. Только не в гневе и впопыхах! Я всегда учил тебя этому!

– Не нужно читать мне нотации, папа! Только не сейчас, – Максимилиано не контролировал себя. – Это даже не гнев, это – ярость! – он отбросил стул, оказавшийся перед ним, помешавший ему. – И знаешь, – он повернулся к отцу, – ты все подготовил спокойно, разве не так? О какой спешке ты сейчас мне говоришь? Так что просто набери сеньора Артуро и скажи ему, – Макс указывал на телефон. – Немедленно позвони сеньору Артуро и закончи это дело! Я не хочу ее видеть, потому что, – он судорожно сглотнул, – потому что я за себя не ручаюсь!

Он повернулся и вылетел из кабинета, дверь в очередной раз с грохотом ударилась об косяк.

– Максимилиано, вернись немедленно! – Рейнальдо поднял голос. – Максимилиано! – крикнул он, но не двинулся с места.

– Рейнальдо? – в кабинет забежала Эва. – Ты в порядке? – она бросилась к нему и обняла его. – Я так волновалась за тебя.

Она прижималась к нему, а Рейнальдо смотрел на закрытую дверь, он машинально слегка приобнял Эву, при этом хмурился и поглаживал ее спину.

– Все будет хорошо, – кивнул он.

– Конечно, мы же вместе, – Эва растворялась в его объятиях...

... ей срочно нужны были объятия. Глория распахнула дверь и зашла в офис Артуро.

– Сеньора, – Серхио вскочил с кресла, – вы не предупреждали, что приедете сегодня.

Он внимательно смотрел на нее, невольно пробежался взглядом по ее телу, облаченному в короткую юбку, тонкую блузку. Туфли на высоком каблуке делали ее ноги еще длиннее.

– Где сеньор Артуро? – Глория не обратила внимания, на то, что сотрудник офиса откровенно разглядывал ее.

Она также не заметила, что он уставился на нее, когда она заглядывала в кабинет мужа.

– Серхио, – одернула она его, наконец-то поймав его взгляд на своем глубоком вырезе, подчеркивающем высокую грудь. – Где Кармен? – она повернулась и покачала головой, увидев пустой кресло. – Снова, – она не договорила.

– Сеньора Глория, – Кармен вышла из комнаты отдыха для сотрудников, ее телефон еще светился.

– Тебя вечно нет на рабочем месте, – язвительно заметила она. – Ты тратишь свое рабочее время на социальные сети?

Кармен опустила голову, завела руку с телефоном за спину, словно ее застали с поличным.

– Простите, сеньора, – ее голос стал тихим, едва различимым.

– Прекрати мямлить, глупая! Как только мой муж терпит тебя? – Глория уже не сдерживала раздражения. – Где сеньор Артуро? – она требовала ответа.

– Уехала на встречу, сказал, что не вернется, – она боялась взглянуть на сеньору, рассматривала ее туфли.

Красивые глянцевого, она разглядывала отражение ламп на дорогой коже. Глория искоса посмотрела на Серхио.

– У тебя нет работы? Почему стоишь тут, как истукан, – она достала из сумочки телефон и набрала номер Артуро.

Кармен не решилась сесть. Она теребила край блузки одной рукой. В другой руке завибрировал телефон, звук птичьей трели проплыл по офису. Глория уставилась на Кармен.

– Переписываешься в рабочее время? Как ты можешь все успевать, если только и думаешь обо всем, кроме работы. Не берет, – уже самой себе сказала она и отклонила вызов.

– Сеньора Глория, извините, но мне нужно уйти, я отпросилась у сеньора Артуро, он меня отпустил. Можно? – выпалила Кармен и решила посмотреть на нее.

Глория приподняла подбородок, рассматривая девушку. У нее готово было сорваться – нет.

– Сеньора, я открою окно в вашем кабинете, – Серхио решил ретироваться, чтобы не попасть под раздачу.

Глория кивнула и вновь посмотрела на девушку.

– Я могу пойти? – мялась Кармен, – сеньор меня отпустил, – она прикрывалась тем, что ее уже отпустили.

– Это в последний раз, когда ты уходишь с работы, – Глория не могла не заметить этого. – Я не понимаю, как сеньор это терпит, – она посмотрела на часы, – будешь должна два часа, когда нужно будет задержаться.

Кармен хотела сказать, что она всегда задерживается, что никогда не отказывалась, но понимала, что лучше этого не делать.

– Спасибо, – прошептала она, быстро взяла сумочку и практически выбежала из офиса, опасаясь, что сеньора могла передумать.

– Серхио, – Глория распахнула двери своего кабинета, – я хочу кофе, – она небрежно бросила сумочку.

Выглянула в офис, внимательно осмотрела помещение, и только тогда плотно закрыла дверь.

– Только кофе, сеньора? – руки Серхио плотно обхватили ее талию и прижали к художавому мужскому телу.

– О Боже, я думала, что она никогда не уйдет, – Глория облокотилась об него спиной, потерялась об его пах. – Хватит разговоров, – с ее ног слетели туфли, – я прямо сейчас хочу тебя!

Она повернулась в его объятиях, зажав его голову руками, укусила за губу, чувствуя легкий привкус крови, и поймав его стон, она улыбнулась, выпуская его губу, запрокинула голову, позволяя ему гладить ее спину и...

...она гладила его голову, стоя позади него.

– Эва прекрати! – рассердился Рейнальдо. – Мне нужно сосредоточиться.

– Я не мешаю, – она капризно надула губки. – Я хочу быть рядом, смотреть на тебя.

– Послушай, красавица, – Рейнальдо встал.

– Да, дорогой, – Эва развела руки, приглашая его в свои объятия.

– Я не твой дорогой, – вздохнув, он щелкнул ее по носу.

– Только мой, – улыбнулась Эва. – Я уже подбираю свадебное платье, – сообщила она ему.

– Я, как твой крестный отец, поведу тебя под венец, – кивнул Рейнальдо. – А сейчас, будь добра, сделай мне крепкий кофе, – попросил он.

Эва встrepенулась. Он так редко ее о чем-то просил.

– Ты даже не успеешь присесть, – она выбежала из кабинета, обрадованная тем, что нужна ему.

Такое приятное ощущение, не просто так стоять подле него, а быть полезной. Эва крутилась около кофе машины, нажимая кнопочки.

– Знаешь, – она поставила перед ним чашку с ароматным кофе, – я приглашаю тебя на выходные покататься на лошадях, как ты смотришь на это?

Рейнальдо оторвался от документов. Он хотел ее выпроводить, ему нужно было подумать, но прекрасно понимал, что просто так он от Эвы не отделается.

– Я буду занят, – ответил он.

Ему совсем не хотелось ехать за город.

– Ты мне обещал, забыл? – напомнила она, присев на его стол.

– Эва, – Рейнальдо взял чашку с кофе и, сделав глоток, поморщился.

– Что не так? – тут же заметила напряглась она.

Эва так и не выучила, что он не любил сладкий кофе, тем более с корицей. Он демонстративно отодвинул ногой мусорное ведро, посмотрел на Эву и выпустил чашку с кофе прямо в ведро на ее глазах.

– Рейнальдо! – Эва соскочила со стола. – Этот кофе я сделала для тебя! Как ты мог?

– Я не пью сладкий, не перевариваю корицу, – спокойно произнес он. – Я уже тысячу раз говорил тебе об этом, – он задвинул ведро и уткнулся в документы.

Эва нахмурилась. Она обхватила себя руками:

– Ты непробиваемый! Ты совсем отвык от женской ласки, забыл, как обращаться с женщинами, – с упреком произнесла она.

Рейнальдо хмыкнул:

– Я умею обращаться с женщинами, – парировал он.

– Покажи и докажи, – тут же ухватила за его слова Эва, мгновенно забыв об обиде.

– Поверь, – он все-таки взглянул на нее, – моей женщине мне не нужно ничего доказывать.

Эва нахмурилась:

– Ты мне изменяешь? – в ее голосе зазвучали гневные нотки. – Ты мне изменяешь, в то время как я храню себя для тебя, и смеешь мне говорить об этом прямо в лицо?! – с возмущением спросила она.

– Эва, – Рейнальдо бросил ручку, которой делал пометки в договоре. – Такие разговоры неприемлемы у нас с тобой! Ты не должна мне говорить такие слова! – его жесткий голос хлестал ее по щекам, отчего она покраснела.

– Я заявляю тебе, что храню себя для тебя! – она смотрела ему прямо в глаза.

– Я твой крестный отец! – Рейнальдо встал.

В кабинете воцарилось молчание, всего лишь на мгновение.

– Ты как крестный отец поедешь со мной кататься на лошадях? – выпалила она, смягчив тон и сменив тему.

– Я уже сказал, что занят, – Рейнальдо покачал головой и сел.

– Ты хочешь, чтобы я одна поехала? – спросила она.

– Попроси Максимилиано составить тебе компанию, вам обоим нужно проветриться, – заметил он.

– Макс последнее время стал очень скучным, – Эва пододвинула кресло и присела напротив него.

– С каким пор ты считаешь Макса скучным, – Рейнальдо пытался читать документы.

– С тех самых, когда у него начали расти усы, – рассмеялась Эва.

Рейнальдо улыбнулся. Эва облегченно выдохнула.

– Я помню, как ты учил его бриться, – она улыбалась.

Рейнальдо посмотрел на нее, не приподнимая головы от документа.

– А помнишь, как он первый раз порезался, а ты бегал, как умалишенный от вида его крови, – рассмеялась она. – Ты готов был вызвать скорую! – она смеялась, поставив локти на стол, положила подбородок на ладони.

Глаза Рейнальдо покраснели.

– Ты всегда выходные проводил с нами. Поедем все вместе, как в детстве. Ты, я и Макс? – предложила она.

– Надо спросить у Максимилиано, – голос Рейнальдо сел от нахлынувших на него воспоминаний.

– Я его уговорю, – Эва улыбнулась.

Рейнальдо кивнул. Она понимала, что он не согласился, но лед тронулся. Маленькими шажками и она приручит его, своего большого мужчину. Она сидела с ним рядом и смотрела на него глазами, полными обожания.

– Я не допущу, чтобы она вновь причинила тебе вред, – прошептала она.

Рейнальдо замер, он подчеркивал фразу, которую нужно было исправить.

– Мы не будем с ней работать, – так же тихо продолжила Эва. – У нее нет права появляться тут после всего, что она сделала.

Рейнальдо молчал, он пытался читать документ.

– Ты смог бы с ней работать после всего, что случилось? – улыбка уже давно сошла с ее губ. – Из твоего окна виден ее кабинет, – заметила она. – Почему папа просто закрыл его, запретив в нем что-то менять?

Рейнальдо дочертил линию и поставил восклицательный знак, нарисовал стрелочку вниз, обвел пару слов и стрелкой определил, куда их переставить.

– Ты работай, – кивнула Эва, – а я сберегу твой покой.

Рейнальдо скрипнул зубами. Он мечтал о покое, мечтал о спокойствии, но все его мечты разрушились в одно мгновение. Он понимал, что должен был что-то сделать и делал. Он должен был защитить сына, чего бы ему это не стоило. Ведь он так и не сказал ему. Не сказал, что их брак трещал по швам, что они были в процессе развода. Он многое своему сыну не сказал, позволив боготворить ему его мать, изменявшую ему с мужем Оливии...

...что-то в ней изменилось, когда она взяла нож, Оливия поняла, что не в состоянии была убить его. Он просто не могла лишиться жизни своего мучителя... почему в прошлом у нее получилось, почему сейчас, когда этого требовали обстоятельства, она отступила? Что с ней случилось? Она медленно поднялась с колен, практически не чувствуя ног.

Тысячи иголок впились в стопы. Кровь с трудом протискивалась по венам и сосудам. В висках стучало, отдавая в груди, сердце щемило. Она чувствовала себя отвратительно и эта вонь... она пропахла им насквозь.

«Сегодня без души, так пойдешь!» – всплыли его слова. Он лишил ее маленький радости – душа. Всегда после насилия, он позволял ей купаться у него в душе, всегда смотрел на нее, как она купалась. Он был прав, она не в состоянии этого забыть, не в состоянии стереть из памяти. Он впечатал себя в нее. Он стал частью ее тела и души. Двадцать лет – это половина ее жизни, если не считать три года. Ей было всего двадцать три года, когда она попала в тюрьму. Совсем еще юная, но уже познавшая измену мужа, заявившего о разводе, в то время, как она сообщила ему о беременности. По глупости подписала документ, дающей ему право распоряжаться ее фирмой, они тогда вновь повздорились с Артуро, который был против руководства ее мужа и был прав, ее брат был прав. Ее муж хотел отобрать у них все, он и его любовница, которая ждала от него ребенка.

Оливия пошевелила пальцами ног, боли уже не ощущалось. Встав, она сняла штаны и рубашку, подошла к раковине. Он не позволил ей искупаться, так уже было, не раз, и она мыла части тела, нагнувшись над раковиной.

Как бы повернулась ее жизнь, если бы она не вышла замуж, если бы не подписала доверенность, если бы не бросила дротик, если бы не нажала на газ. Столько роковых ошибок, отдаливших ее от сына, от маленького Санти, теперь уже совсем взрослого. Она всхлипнула. Такого же, как она, еще совсем юного. Ее сыну всего двадцать три года. Она как девчонка влюбилась в Маркуса, намного старше ее. Потом появилась Вероника с мужем. Уже в тюрьме она поняла, что Маркус и Вероника давно состояли в отношениях, у них были свои планы, которые так губительно сказались на жизни Оливии, Рейнальдо, Артуро, Сантьяго и Максимилиано. Порой она задавалась вопросом, Рейнальдо – настоящий отец Максимилиано или нет.

Два темноволосых мальчугана, ее сын и Максимилиано, они сразу подружились, играли вместе. Оливия попыталась улыбнуться, но лицо исказила гримаса. Это было так давно, что уже лицо сына начало стираться с памяти. Оливия вытерлась грязной рубашкой и надела свежую, такую же большую, выданную ей не по ее размеру. Бросив на пол грязные рубашку и брюки, забралась на кровать с ногами. Упершись спиной об стену, обхватила колени руками, спрятав пальцы ног под тонкое одеяло. Она никак не могла согреться.

Почему он не отправил письмо? Что значили его слова? Остался один день апреля. Она понимала, что никто не придет. Ее мучителя просто переводили, увольняли или еще что-нибудь, никто никогда не выпустит ее из этой камеры. Никогда. Оливия закрыла глаза, она устала думать. У нее было предостаточно времени для этого. Она не хотела, но мысли роем крутились в голове, будоража итак воспаленное сознание.

Она не сразу услышала лязг, скрип, лишь когда свет ударил в глаза, она встрепенулась, а сердце остановилось на миг, а потом забилося с такой силой, что она не слышала, что ей говорили. Она просто смотрела на надзирателя и егодвигающиеся губы.

– Встать! – донеслось до нее словно, как из трубы. – Возьми свои вещи!

Оливия моргнула, тяжело дыша, словно бежала и только что остановилась.

– Что? – хриплым голосом переспросила она.

– Встать! – рявкнул надзиратель. – Вещи нужны какие-то?

– Какие вещи? – она не понимала, что от нее хотели, зачем спрашивали про вещи.

Сердце уже знало, а сознание отказывалось принимать реальность.

– Выходишь, сеньора, – в этот раз он говорил с некоторой долей учтивости.

Что значит – выходишь? Оливия сидела на кровати и смотрела на него. Она двадцать лет провела в этой камере без право на прогулку, а теперь ее куда-то хотели отвести. Куда?

– Не понимаешь? – он подошел к ней. – Совсем с ума сошла? Так бывает, не верят, – хмыкнул он. – Вставай, тебя выпускают на свободу.

В его руках звякнули наручники. Оливия не верила. Свобода?! Зачем наручники? Они смеялись над ней. Они издевались, мучали.

– Встала, повернулась, руки, – рявкнул он .

Оливия среагировала. Именно эти слова она слышала двадцать лет подряд. Она опустила ноги, повернулась, холод металла коснулся запястий. В этот раз шагов было больше, на сотом она сбилась со счета. Узоры на полу и стенах менялись. Страх заставлял ее сердце сжиматься и биться неровно, а первый солнечный луч, скользнувший на ее лицо, чуть не свалил ее с ног. Она почти забыла, каково это – видеть солнце, чувствовать его тепло. Слишком быстро, так мимолетно, видимо ей это показалось.

Остановка, решетка, коридор, поворот, еще поворот. Повеяло свежестью. Она всей грудью вдохнула, раскрыв рот жадно дышала, как будто бы после долгой задержки дыхания.

– Хватит, еще надышишься, – ее грубо толкнули к стене.

Она ударилась головой, не успев среагировать. Такого страха она уже давно не испытывала. Только когда холод металла, сковывающего запястья, отпустил ее, и она смогла свести руки, чтобы обхватить себя, она начала верить. Это стало правдой – ее отпускали.

– Твои вещи, – грубый женский голос.

Она прижала к себе небольшой сверток и шагнула за порог...

...Исабель переступила порог кабинета Рейнальдо и поставила на стол чашку с горячим кофе. Эва встала с кресла.

– Ваш кофе, сеньор Рейнальдо, – она не смотрела, как он взял чашку, ее внимание было обращено к телефону.

– Вот именно так, как я люблю, – отметил Рейнальдо и сделал еще глоток.

Эва бросила взгляд на Исабель. Ей совершенно не понравилось, что та умела делать кофе, который предпочитал Рейнальдо, но девушка не замечала гневных взглядов Эвы.

– Сеньор, – Исабель посмотрела на часы, – извините, мне нужно уехать, вы можете отпустить меня пораньше, я потом все отработаю, – она посмотрела на Рейнальдо.

– Сначала обсудим этот договор, – Рейнальдо пододвинул документы, – а потом можешь идти, – они совершенно не обращали внимание на Эву, позабыв о ней, смотрели документ.

– Вы собираетесь работать? – ей не нравилось то, что она почувствовала себя лишней в этом кабинете, стоило появиться Исабель.

Гораздо интереснее было сидеть возле Рейнальдо и смотреть на него. Иногда касаться его руки, хотя он этого и не замечал, но сейчас это место было занято Исабель, может она бы приревновала к ней, но та каждую минуту поглядывала на телефон, не стремясь прикоснуться к Рейнальдо, что немного успокаивало ее.

– Да, Эва, мы будем работать, – кивнул Рейнальдо, откровенно наслаждаясь вкусом кофе.

– Тогда я схожу в офис отца, может быть он уже вернулся, – Эва направилась к выходу. – Исабель, я оставляю Рейнальдо на тебя, ты отвечаешь за него.

Исабель кивнула, Рейнальдо рассмеялся, он понимал, что девушка даже не слушала, что ей говорила Эва. Она крутила в руках телефон, явно ожидая звонка или сообщения.

– От кого ждешь звонка? – спросил Рейнальдо, стоило только Эве выйти.

Он бы с удовольствием остался бы один. Присутствие Эвы его слегка утомило, но ему нужно было, чтобы Исабель внесла правки в документ и распечатала ему готовый экземпляр, а ради этого он готов был потерпеть еще.

– Вы не знаете, где Максимилиано? – спросила она. – Извините, сеньор, я не должна спрашивать, – смутилась она.

– У нас возникли некоторые разногласия, – уклончиво ответил Рейнальдо, – он уехал, не волнуясь, скоро вернется.

– Можно я позвоню брату, может быть он у него? – Исабель волновалась, время спешило вперед, а она напрочь застряла в офисе, и сеньор не желал ее отпускать, мучая документом, который она не понимала.

– Пожалуйста, давай закончим, – спокойно произнес Рейнальдо и поставил пустую чашку, – а потом ты позвонишь брату и внесешь все правки в документ.

Исабель кивнула. Она готова была расплакаться. Ей хотелось уйти с работы, она должна была, она столько усилий приложила, чтобы ее освободили. Она должна была поговорить с Оливией, ей хотелось узнать, была ли она права, что занялась ее делом, не совершила ли ошибку. Матиас все эти дни просто извел ее своим настроением и практически убедил, что она поторопилась.

– Сеньор, – Исабель вчиталась в документ, – что это? – Она посмотрела на него.

– Ты все правильно понимаешь, – кивнул Рейнальдо, прекращая ее дальнейшие расспросы, – я писал очень разборчиво, что не разберешь, спросишь, – он отодвинулся от стола и встал. – Исправь и распечатай.

Он смотрел на задернутые шторы. Исабель хотелось спросить его – хотел ли он, чтобы шторы раздвинули, включили свет? Что ждал сеньор? Могла ли она сказать ему, что именно с ее подачи освобождали Оливию. Исабель вздрогнула, смотря на широкую спину Рейнальдо. Он уперся рукой об стену, вторую сунул в карман. Она взяла документ, не понимая действий сеньора, но кто она такая, чтобы спорить с ним.

Исабель боялась совсем другого, что он начнет продавливать договор с сеньором Артуро, а она не успеет ввести в курс дела Оливию, а тут совсем другое свалилось на голову. Она вышла из его кабинета. Набрала номер Максимилиано, но его телефон был выключен. Позвонила брату и стоило ей заикнуться, что она не может найти Макса, Матиас сразу же начал отчитывать ее, что она пожинает плоды своих творений, что она все рушит, что она губит свою жизнь.

Исабель не хотела больше слушать брата, убеждать его в обратном, поэтому нажала отбой. Она открыла документ на экране и стала вносить правки, посматривая на Рейнальдо, стоявшего у окна.

Она видела его в открытую дверь. Рейнальдо не двигался, погрузившись в свои мысли. Она частенько его заставляла таким задумчивым. Они с Максимилиано даже смеялись над этим пару раз за его спиной, называя его статуей, что можно позвать художника или скульптора, чтобы написали картину или сделали статую по живому эскизу. В лицо она бы не посмела ему этого сказать, очень уважала его и понимала, что предала его. Она предала его доверие, которое он оказал ей, взяв ее на работу. Она предала Максимилиано.

Исабель помнила день, когда узнала о смерти его матери, в памяти всплыли дела отца, и пазл сложился, она не верила в случайности и совпадения, тогда, поговорив с бабушкой, решила действовать. Она страстно хотела поскорее закончить работу и ехать, ехать, чтобы встретить ее и наконец-то поговорить. Исабель прекрасно понимала, что в первую очередь, она хотела удостовериться, что не совершила ошибку, ведь если она ошиблась, то... она не хотела думать. Она не хотела думать о плохом, свято веря, что все сделала правильно.

Поставив точку, она глазами пробежалась еще раз по документу и нажала на печать. Взяв еще теплые листы, принесла их Рейнальдо.

– Все готово, сеньор, – Исабель хотела поднести ему их.

– Положи на стол, – попросил он, не поворачиваясь. – И можешь идти, – он наконец-то отпустил ее.

Рейнальдо все еще смотрел на окно с задернутыми шторами. Исабель хотелось проникнуть в его мысли, узнать, о чем он думал, но ей стало страшно. У нее вновь появились сомнения – правильно ли она все сделала, осознавая, что дороги назад уже не было...

...в приемной никого не было. Кармен и Серхио отсутствовали. Эва посмотрела на закрытую дверь кабинета матери. «У меня совещание» – вспомнила она слова Глории, вздохнула и прошла в кабинет отца. Эва знала, что могла делать все, что угодно. Артуро никогда не ругал ее... кроме одного – он не позволял ей трогать куб с дротиком. Никому не позволял к нему прикасаться. Эва улыбнулась. Артуро не было в офисе. Она подошла к шкафу и открыла дверцу.

Стеклянный куб манил, и Эва взяла его. Она вздрогнула, услышав какой-то шум, словно двигали мебель. Быстро поставила куб и обернулась, прислушиваясь. Сердце стучало громче, чем шум, который она слышала. Никого, ей просто показалось. Она взяла куб в руки и покрутила в его. Она не понимала, что в этом кубе было такого, что так бережно хранил Артуро. Эва пожалала плечами, разочаровавшись в безделушке, она поставила ее в шкаф и закрыла дверцу.

Эва любила сидеть в кресле отца, но без него тут было скучно и пусто. Она немного покачалась в его кресле, покрутилась, поболтала ногами, как маленькая, как в детстве, посмотрела на часы, время так медленно тянулось. Она уже пожалела, что Кармен отсутствовала, сейчас бы поболтала с ней. Они любили говорить. Только Кармен могла часами слушать, как она восхваляла Рейнальдо.

Ее Рейнальдо тоже работал вместе с Исабель. Мама вела совещание. Все были заняты делом, кроме нее. Эва встала и вышла из-за стола. Она не переваривала такие моменты, когда не знала, чем себя занять. Прошла по приемной, потрогала землю в горшке, набрала воды и полила. Из-под двери кабинета матери послышался смех. Эва повернулась с графином в руке и посмотрела на дверь. Мама же на совещании, она именно так и сказала, когда они прощались у входа в офис. Эва поставила графин на стол Кармен, подошла к двери и толкнула ее.

Она чуть было не упала, но Серхио поддержал ее, выронив документы. Глория, улыбаясь, поправила волосы. Эва нахмурилась, смотря на мать, что-то настораживало ее. Серхио отпустил ее, присел и стал собирать документы.

– Сеньора, я напечатаю и принесу, – сказал он и вышел из кабинета, послал ей воздушный поцелуй за спиной Эвы.

– Мама? – Эве совсем не понравилось, что Глория и Серхио смеялись в кабинете за закрытыми дверьми.

– Эва, родная, ты уже пришла? – она подошла к ней и взяла ее под руку. – Ты знаешь, я, – Глория незаметным движением ноги задвинула пуговицу с торчащими нитками под диван, – я думала о твоей свадьбе.

Эва повернулась к матери, на ее лице засияла улыбка:

– Ты согласна, чтобы я вышла замуж за Рейнальдо? – спросила она.

Глория потянула ее за собой из кабинета. Она наклонилась, чтобы взять сумочку и сдвинула подушку, чтобы скрыть свои трусики, выглядывающие из-под нее.

– За Максимилиано, – уточнила Глория.

– Опять ты за свое, – скривилась Эва, мгновенно перестав улыбаться.

– Серхио, – Глория искоса смотрела на него, – пусть в моем кабинете приберут, мне кажется там пыльно.

– Хорошо, сеньора, – подскочил Серхио и прижал руку к вороту.

– Мама, ты расскажешь мне про тетку? – Эва кардинально сменила тему, вот что умела она – так это быстро менять тему, тем самым разряжая обстановку.

– Все расскажу, нам следует быть очень осторожными, – она крепче прижалась к дочери, незаметно для нее помахала рукой Серхио и подмигнула ему.

Он стоял около своего стола, прикрывал рукой место, где должна была быть пуговица, что вызвало у нее усмешку, но Глория сдержалась. Она была полна сил и готова была вступить в бой.

– Расскажи мне все, чтобы я была во всеоружии, – Эва нажала кнопку лифта. – Почему переход практически всегда закрыт?

Глория на мгновение повернулась к двери, ведущей к переходу:

– Твой дед внес эту конструкцию, хотя лично меня она никогда не устраивала. А вот твоя тетка им пользовалась, – двери лифта открылись, впуская их внутрь.

– Его закрыли, потому что им пользовалась тетя? – Эва отстранилась от Глории. – Ты считаешь меня душой, думаешь, что я поверю в эту чушь?

– Нет, – Глория сделала глубокий вздох. – Она правда им пользовалась. Она встречалась там с Рейнальдо и, – она не договорила.

– Она встречалась с Рейнальдо? – возмущению Эвы не было предела. – Что она себе позволяла? Он был женат. Она была замужем.

– Да, твоя тетя никогда не имела принципов, – Глория улыбнулась, взглянув на дочь из-под ресниц, – ей всегда нравился Рейнальдо, и она откровенно соблазняла его, – продолжила она.

Эва поджала губы.

– Теперь я понимаю, зачем она убила мужа и его жену, чтобы ей никто не мешал? – она сделала свои выводы.

– Мы не знаем истинных мотивов, – Глория решила не давить, обняла Эву за талию, и они вышли из лифта.

– Тетя была такой глупой? – Эва остановилась, вынуждая остановиться и Глорию. – Она не подумала о том, что если убьет, то ее посадят?

– Сложно сказать, что у нее было в тот момент в голове, но факт остается фактом, она убила мужа и жену Рейнальдо, а также выколола глаз твоему отцу, – напомнила Глория.

– Мама, почему ее выпускают? Она же опасна, – Эва открыла дверь машины.

– Она очень опасна, – согласилась с ней Глория и села за руль. – Я даже не знаю, что она сделает, когда узнает о Санти.

– Санти? – Эва повернулась к матери и взяла очки с полочки, – кто такой Санти?

Глория чертыхнулась про себя и завела машину, они выехали со стоянки.

– Кто такой Санти, мама, – Эва смотрела на нее.

Заходящее солнце светило так ярко, вынуждая их жмуриться и надеть очки...

...Свет чуть не ослепил ее, ветер мгновенно забрался под полы рубашки. Она зажмурилась и дышала, впервые за многие годы дышала полной грудью не в состоянии сделать и шага. Двадцать лет она не была на улице, не видела других людей. Ее словно выпустили из склепа, в котором похоронили заживо.

– Иди, сеньора, – незнакомый голос подталкивал ее вперед, а она боялась сделать шаг, боялась проснуться, ведь это был просто сон.

Может сумасшествие? И она сейчас находилась в камере, и все это ей просто мерещилось?

– Иди, за тобой приехали, – ее подтолкнули в спину, вынуждая сделать шаг.

Приехали, за ней приехали? Кто? Оливия растерянно обернулась. Позади нее стоял надзиратель. Наблюдая за ней, он закурил и отошел в сторону. Непозволительная роскошь – свобода. Она уже и не помнила это ощущение. Она могла идти туда, куда хотела. Ей не нужно было спрашивать разрешения, просить, умолять, она могла просто делать все.

Что она хотела? Оливия прижала сверток к груди. Ветер напомнил о себе – хвост волос хлестал по лицу, но это была приятная боль, практически забытая, но мгновенно восстановленная в памяти. Она подняла руку и сдернула резинку. Свобода! Волосы рассыпались по ее плечам, ветер тут же подхватил их, он игрался, бросая их ей в лицо, а она улыбалась, чувствуя соль.

Оливия не сразу поняла, что плачет, что слезы молча катились по ее щекам, беззвучно, безропотно. Все расплывалось перед глазами, ноги не слушались, они дрожали, стоя на твердой земле.

– Иди, – услышала она позади себя голос надзирателя. – Ждут тебя. Не за всеми приезжают, а за тобой приехали, сеньора.

Сеньора. Оливия вздрогнула. Это слово зазвучало совсем по-другому. Уже не язвительно, без издевки. Приехали! Она наконец-то поняла то, что он говорил. Приехали. Оливия подняла ногу и сделала шаг, один, другой. Она покинула территорию тюрьмы, и ворота захлопнулись за ней. Вот она – свобода. Оливия убрала волосы с лица. Осматриваясь, она с непривычки шурилась, сердце защемило, на миг остановилась, стоило ей увидеть его.

Молодой человек сидел на капоте в темных очках и курил. Ее глаза наполнились слезами, она выронила сверток и побежала. Побежала впервые за двадцать лет, чуть не падая, она делала размашистые выпады, ноги помнили, а сил с непривычки оказалось мало. Дыхание перехватило, она прижала руку к груди.

– Сынок, мой сынок, – кричала она. – Санти, – Оливия распахнула руки, чтобы с разбегу обнять его, ее мечта сбылась, она видела его. – Мой Санти.

Он приехал за ней. Приехал ее сын! Радость от встречи, которую она не испытывала многие годы, наполнила все ее существо желанием жить, тем самым, которое утратила, попав в камеру.

– Санти! – она чуть не упала, запутавшись в больших брюках, но устояла. – Санти! Сынок, – ее руки дрожали, она тянулась к нему, чтобы обнять, чтобы почувствовать его тепло, которого ей так не хватало. – Сынок, – она тянулась к нему и боялась прикоснуться, словно он мог испариться, словно мог исчезнуть. – Сынок, – глазами полными слез она смотрела на шрамы на его лице, уже зажившие, но когда-то были страшными.

Откуда они взялись? Сердце сжалось от той боли, которую он испытал, когда получил эти увечья. А глаза, такие темные, она не помнила. Глаза ее сына?

– Сынок, – ее руки потянулась к его лицу, словно она хотела забрать всю его боль себе.

– Сын, – он перехватил ее запястья и оттолкнул, удерживая на расстоянии, – я – сын женщины, которую вы убили! – на одном дыхании произнес он, смотря на нее сквозь темные очки, а пальцы сжимались, причиняя ей боль, оставляя новые синяки.

Сын – женщины, которую вы убили... словно приговор – еще один в ее жизни. Сын женщины, которую вы убили... убили...убили.

Глава 3

– Убийца! – он оттолкнул ее и вытер руки об брюки, словно испачкался.

Оливия отпрянула назад, запнулась и упала. Она запрокинула голову и смотрела на него снизу вверх, на повзрослевшего мальчика, которого едва помнила. Сына Вероники и Рейнальдо.

– Максимилиано? – прошептала она.

– Как вы сметете жить, в то время как она умерла по вашей вине! – он шагнул ближе и навис над нею. – Вы убили ее безжалостно, мою маму, – его руки тряслись, словно он хотел сжать ее горло и перекрыть воздух, раз и навсегда, чтобы никогда не видеть ее.

Стоило ему об этом подумать, как он наклонился, пальцы обхватили ее горло, такое маленькое.

– Я убью вас прямо здесь! – прошептал он, приподнимая ее.

Она схватилась за его запястья. Оливия только начала дышать полной грудью, а он лишал ее этой возможности, перекрывая доступ к кислороду.

– Не совершай моей ошибки, – едва слышно прошептала она. – Не надо, – молила она.

Его глаза покраснели, он сжимал и сжимал, глядя ей прямо в глаза:

– Я так вас ненавижу, всю свою сознательную жизнь! – выдохнул он.

– Ненавись, – Оливия стояла на цыпочках, жадно хватая воздух потрескавшимися губами, – но не убивай.

Максимилиано затрясся:

– Не убивай! – закричал он. – Вы молитесь меня о пощаде?! А моя мать? У нее был хоть единственный шанс? Вы хладнокровно ее убили! Столкнули своей машиной! Мне бросить вас под колеса? Что мне сделать с вами? – Максимилиано встряхнул ее. Его глаза полные ненависти смотрели в ее. – Что?

Оливия пыталась разжать его пальцы, царапала, пытаясь освободиться, чтобы дышать, она хотела дышать.

– Не нужно ломать свою жизнь, – прошептала она. – Пожалуйста, Максимилиано.

Он взревел и поднял ее за шею, поднял ее на уровень своих глаз, усиливая хватку. Его ярость не знала границ, он не владел собой. Оливия все еще пыталась разжать пальцы, но силы были не равны, она не могла ему противостоять, она была слишком слаба.

– Прости меня, – прошептала она, хрипя, в глазах потемнело, голова склонилась набок, и она рухнула вниз.

Упала на землю, больно ударилась коленом, что-то хрустнуло... но эта была не та боль, которую испытывали легкие, когда в них наконец-то проник кислород. Она дышала, стоя на коленях, упираясь руками в землю, кашляла.

– Никогда! – Максимилиано наклонился к ней. – Никогда вам не вымолить у меня прощения! Вы не имеете права жить! У вас просто нет такого права! Нет! – он пнул попавшийся ему под ноги камень.

Оливия молчала. Она не знала, что сказать ему. Он был прав во всем. Она убила его мать, она лишила его материнской любви. Она лишила его семьи.

– Вам лучше никогда не попадаться на мои глаза, слышите меня?! – он хотел сжать ее плечи, чтобы встряхнуть, мог бы даже ударить, уже занес руку и остановился.

Перед ним на коленях стояла хрупкая израненная женщина, он увидел свежие отметины на ее шее, оставленные им, а чуть ниже цвели другие синяки, нанесенные кем-то другим. Она неуверенно поправила рубашку и села, опираясь на бампер его машины. Эта женщина больше не пыталась ничего сказать. Ее волосы, полные седины, растрепались. Она смотрела куда-то вниз, но только не на него.

Максимилиано чертыхнулся. Он чуть было не убил ее, чуть было не задушил, почти лишил ее жизни. Он ударил по капоту кулаком, оставляя вмятину на своей новой машине.

– Исчезните, не появляйтесь никогда в моей жизни, – он повернулся и открыл дверь, – никогда не приближайтесь к отцу! Слышите?

Максимилиано сел за руль. Оливия качнулась вместе с машиной, когда та приняла вес молодого человека. Рев двигателя оглушил ее. Она не привыкла таким громким звукам. Он сдал назад, а она подалась вперед, чтобы не упасть. Визг шин, и он оставил ее в облаке пыли. Оливию еще трясло, она никак не могла успокоиться. Это встреча отняла все силы. Если Максимилиано испытывал такие эмоции, то чего ей следовало ожидать от родного сына? Ведь она убила его отца.

Оливия вздрогнула, услышав рев двигателей. Мир снаружи оказался неприветливым. «Ты не сможешь там!» – она так явно слышала слова своего мучителя. «Никто не может, а ты тем более!».

– Смотри, кого-то выпустили, – донесся до нее мужской голос.

Молодой, сразу же поняла Оливия. Она все еще смотрела перед собой, ничего не видя, но слышала все. Мир буквально обрушился на нее. Пыль, запах выхлопных труб, толпа молодежи, и свет мерк, становилось темнее. Солнце садилось. Оливия поправила рубашку и встала.

– А ничего так, вроде не старая еще, – она прекрасно слышала их разговор.

Любимое развлечение, предположила она, наблюдать за теми, кого выпускали. Первая растерянность прошла. Борьба за жизнь, отобравшие силы, вернула их с троицей. Оливия подбрала свой сверток, поправила волосы и затянула их в пучок, отряхнула пыль с одежды. Она сделала глубокий вдох, в последний раз взглянула на высокие стены тюрьмы. Она, Оливия Торрес, сможет, мысленно произнесла она самой себе клятву. Оливия повернулась спиной к тюрьме и взглянула на молодых людей, приехавших на мотоциклах.

– Что будет делать? – один закурил сигарету.

Второй пил. Допив, он срыгнул и бросил пустую бутылку. Оливия внимательно смотрела на них, на осколки, оставшиеся от бутылки. Бутылку не склеить, не собрать, а она сможет, ради сына, который ей еще не вынес приговор. Закрыв на мгновение глаза, она вновь сделала глубокий вдох и выдох, силы прибавлялись, росла решимость, она свободна. Оливия направилась к ним, чем вызвала их общее оживление и смех...

...они, смеясь, зашли в дом. Эва оживленно рассказывала, как именно она хотела отпраздновать свадьбу.

– Знаешь, чем быстрее мы все организуем, тем лучше для всех, – согласилась с ней Глория.

– Наконец-то, ты встала на мою сторону, – Эва положила сумочку на столик и плюхнулась на диван. – Я уверена, что Рейнальдо понравится. Сколько он может жить один?

Она сняла туфли и размяла пальцы ног. Глория расположилась в кресле и прикрыла глаза, слегка улыбаясь. Она прямо светилась.

– Мама, а что вы делали с Серхио в кабинете? – заметив улыбку матери, спросила Эва.

– Обсуждали сроки оплаты, – не открывая глаза, ответила Глория.

Эва хмыкнула, ее брови слегка приподнялись:

– А что именно у вас вызвало смех? – уточнила она.

Глория запрокинула голову и потянулась:

– Серхио рассказал какую-то шутку, я уже даже не помню, – она сняла туфли и положила ноги на журнальный столик.

Эва внимательно смотрела на мать. Глория словно не замечала ее пристального взгляда, при этом наблюдала за дочерью из-под ресниц.

– Почему вы никогда не говорили о Санти? – на ее лицо набежала тень.

Глория вздохнула и открыла глаза:

– Мы не рассказывали, потому что, – она пожала плечами, – даже не знаю, как сказать.

– Я понимаю, – Эва повернулась к окну, – знаешь, я бы хотела с ним познакомиться.

Глория качала головой, соглашаясь с ней:

– Может оно все к лучшему, – сказала она.

– Возможно, – согласилась с ней Эва, – но мне очень жаль, что я его не знала.

– А где именно ты хотела бы провести свадьбу? – Глория повернулась в сторону столовой. – Бенита, – позвала она служанку, – сделай нам чай и легкие бутерброды, – она подняла руку, прося Эву помолчать.

– Хорошо, сеньора, – она заглянула в гостиную.

Эва наклонилась вперед, ей не терпелось обсудить с матерью ее свадьбу. Она надула губки, нетерпеливо ожидая. Ей была интересна тема брата, но свадьба с Рейнальдо волновала ее гораздо сильнее.

– Сеньор Артуро не звонил? – спросила Глория.

– Нет, сеньора, – покачала головой Бенита.

– Если сеньор объявится, – начала она.

– Бенита нам сразу сообщит, – не выдержав, Эва ее перебила, – Бенита, спасибо, – кивнула она, отпуская служанку. – Мама, я хочу на свежем воздухе, лучше в парке, чтобы много людей...

...трое молодых людей представлялись для нее толпой людей. Она давно не видела столько человек сразу в одном месте. Заговорить с ними оказалось для нее проблемой. Оливия подошла и остановилась в нескольких шагах от них. Один присвистнул, второй склонил голову, осматривая ее с ног до головы.

– Что хочешь? – третий сплюнул ей прямо под ноги.

– Не тяни резину, – парень с копной темных волос и бритыми висками поставил мотоцикл на подножку.

– У каждого по разу и отвезем, куда скажешь, – куривший, бросил окурок и растоптал его пыльным ботинком.

Оливия смотрела на них. Ее мир переворачивался на глазах или открывался. Она не знала, что им ответить, что сказать, слов почему-то не оказалось. Слегка нахмурившись, едва заметно качнула головой, развернулась и пошла прочь.

– Куда так спешишь, договоримся, – послышалось ей в след. – Знаем мы таких, голодных, на всех согласных.

Оливии стало тошно. Она только что вышла от одного насильника, чтобы угодить в руки других? Что произошло с миром, пока ее не было, в чем состоял интерес этих парней, поджидающих несчастных женщин, которых практически лишали достоинства в стенах тюрьмы. Тяжелая поступь не напугала. Она просто шла прочь в ту сторону, куда уехал Максимилиано. Шла вдоль дороги.

– Чего испугалась? – коренастый догнал ее и схватил за руку.

– Отпусти! – Оливия не дергала рукой.

Она просто остановилась и посмотрела на парня.

– Ладно, ладно, – он поднял руки. – Не хочешь со всеми, пошли со мной, – он чуть наклонился, пытаясь заглянуть в вырез рубашки. – Я не буду груб, – дал обещание, – стояк жуткий, давай поможем друг другу, – попросил он.

Оливия опустила взгляд и медленно подняла. Ее впервые за многие годы просили. Она уже отвыкла от такого. Может ей следовало бы испугаться, следовало поспешить, пока не совсем стемнело, а тучи, сгущающиеся над горами, не добрались до нее.

– Я тебе в матери гожусь, – заметила она.

– Да ладно, все как у всех, – пожал он плечами.

Его друзья стояли в сторонке, ожидая. Оливия поняла, что они просто отправили парламентаря. Никто ничего не пытался соблюдать. Простая тактика переговоров, цель которых была усыпить ее бдительность.

– Я не такая как все, – парировал Оливия, она все еще прижима сверток к груди.

Ее вещи, маленький скарб, что она даже не помнила, что там. Что у нее забрали, когда привезли ее в эту тюрьму.

– Две руки, две ноги, сисечки, – скалился он.

– Я ведь и убить могу, – Оливия смотрела ему в глаза.

Он расхохотался, согнувшись пополам. Оливия внимательно смотрела на него. Сказать и сделать – это не одно и то же, и она помнила, что не смогла переступить черту в кабинете тюремщика. Не смогла, когда всего пара миллиметров отделяла лезвие ножа от его сонной артерии.

– Я могу даже сделать вид, что согласилась, – Оливия шагнула к нему, – пару ласк, и твой нож у меня в руке, один удар меж ребер, – она опустила взгляд на его живот, – можно и в печень, умрешь от кровопотери.

Коренастый нахмурился, ему уже не хотелось смеяться.

– Смелая? – он хотел сделать шаг к ней, но не решился, его взгляд бегал, он пытался следить за ее руками.

– Терять нечего, – призналась Оливия, понимая, что лгала.

У нее была встреча с сыном. Она должна была его увидеть, чтобы встать перед ним на колени, больше ничего никому не должна... или должна? Максимилиано, она мысленно застонала. Она виновата перед ним, очень виновата.

– О чем задумалась? – он явно нервничал.

Оливия качнула головой, не привык он или они, чтобы их вот так встречали, другие наверное соглашались или противились. Она не хотела думать об этом, ветер неприятно забирался под рубашку, заставляя ее дрожать.

– Говори! – потребовал он. – Что задумала?

Где-то вдалеке ударил гром. Оливия дернулась. Сердце гулко забилося в груди. Она обернулась, смотря на горы и приближающие тучи. Стремительно темнело. Недалеко мелькнули фары и из-за поворота показалась огромная машина.

– Я с ним поеду, – просто ответила Оливия, повернулась и быстрым шагом поспешила к дороге.

Она не была уверена, что коренастый не пойдет за ней. Ему явно не хотелось терять добычу. Она хоть и старалась держаться, но внутри нее все тряслось от страха. Их трое – она одна. Говорить и казаться смелой было очень просто, но что бы она сделала, если бы они напали? Ее бы даже никто не стал искать. Ледяной холод этой мысли заставлял ее ускорить шаг.

Ее мог бы искать сын, брат, но они не приехали. Значит пока не были готовы к встрече с ней. Как бы больно это было осознавать, но она понимала, что ее родные не хотели ее видеть.

– Стой! – закричала она, выбегая перед грузовиком.

Она зажмурилась, понимая, что не успеет отбежать, если тот не остановится. Сигнал оглушил ее, теплый пар от двигателя обдал ее с ног до головы. Водитель успел затормозить.

– Ты сумасшедшая, – он спрыгнул и подошел, – под колеса зачем кидаешься?

Оливия повернулась к нему, трясая головой. Она слышала его, но звук долетал, как из трубы. Ей пришлось сглотнуть несколько раз, чтобы уши отложило. Она никак не могла справиться со звуками, которые просто оглушали ее. Они пугали ее. Пугал ее и пузан, осматривающий ее.

Что случилось с мужчинами? Или они еще не мужчины? А кто они? Оливия не понимала, почему всех интересовал только секс. Разве в мире больше ничего не осталось?

– Я заплачу, – прошептала она.

– Чем? – он почесал живот.

– Я больше ни одному мужчине не позволю пользоваться моим телом, – ответила она.

– Платить чем будешь? Знаю я вас таких, все гордые, а потом на все согласные, – он осмотрел ее с ног до головы. – Выбора-то у тебя особого нет.

Ее вновь затошнило. Жизнь словно испытывала ее. А тюремщик прекрасно знал законы около тюрьмы, может сам поощрял и несчастных женщин принуждали. Мимо них проехали мотоциклисты, оставляя после себя столб пыли. Оливия закашлялась. Она вновь вспоминала новые забытые ощущения – пыль и желание искупаться.

– Выбор есть всегда, – Оливия прижала к себе сверток, повернулась и пошла.

Она пойдет пешком. У нее есть силы. Она сможет.

– Ты уверена? – крикнул он ей в след. – Сейчас гроза начнется.

Оливия молча шла вперед. Она не позволит больше ни одному мужчине прикоснуться к ней. Она сыта ими по горло. Раскат грома, и молния расколола небо пополам, осветив и выхватив из темноты мотоцикл. Оливия остановилась. Один не уехал, поджидал.

– Садись, – он медленно подкатился к ней.

Оливия покачала головой.

– Не буду я тебя трахать, – просто ответил он.

Оливия почувствовала запах табака. Этот тот, который курил. Он ей первый предложил услугу за секс.

– Как тебе верить? – спросила она.

– Странная ты, – он достал сигарету и закурил. – Есть драгоценности? – спросил он.

Оливия покачала головой. Какие драгоценности? У нее ничего не было. Ни денег, ни украшений... кольцо. У нее было обручальное кольцо. Она развернула сверток, тонкая блузка, юбка, ключи и кольцо.

– Вот, – протянула она ему. – Только это.

Он сунул сигарету в рот и взял небольшой круг с ее ладони. Оливия положила ключи в карман, юбку и блузку свернула и бросила на обочину. Они ей были больше не нужны. Слишком много хранили неприятного. Туфель не было, каблук. Она сломала каблук, когда давила на газ.

– Сойдет, – он сунул кольцо в карман брюк. – Сядешь позади меня, держаться будешь вот тут, либо за меня. Я наклоняюсь, ты повторяешь за мной. Поняла?

Оливия кивнула.

– Ты точно поняла? Я быстро езжу, да и мокнуть не хочется, будем убегать от дождя, – он рассмеялся.

Оливия смотрела на него, как он запрокинул ногу и нажал на газ, мотоцикл зарычал. Он повернулся к ней. Она подошла к мотоциклу, поставила ногу на подножку, взялась за его плечо, судорожно сглотнула. Она сама прикасалась к мужчине, неприятное ощущение его близости заставляли ее напрягаться. Хотелось отпрянуть, но вместо этого, она села и взялась за его талию.

– Куда ехать? – он подал ей каску.

– На ранчо, – ответила Оливия.

– Информативно, – хмыкнул он и повернулся.

Оливия замерла, не успев надеть каску, встретила его взгляд, не понимая эту замешку.

– Сеньора что ли? – спросил он.

Она молчала. Какой ответ он хотел услышать? Что мог изменить ее ответ? Она просто назвала адрес, так и не ответив на его вопрос...

...он не отвечал. Рейнальдо смотрел на пустые кресла в приемной, на кабинет, в котором отсутствовал хозяин. Все куда-то испарились, и он один, как призрак бродил по офису Артуро. Максимилиано выключил телефон. Исабель уехала его искать. Эва слава богу оставила его в покое. Артуро не выходил на связь с самого утра. Новость об освобождении Оливии лишила их равновесия. Рейнальдо качнул головой. Она нарушала всегда их покой, незримо присутствуя, тем более его.

– Сеньор? – охранник выключил свет в кабинете Артуро.

– Я уже ухожу, – Рейнальдо повернулся и посмотрел на закрытую дверь.

Всегда закрытую. Он только на днях думал о том, чтобы изменить это, чтобы заселить этот кабинет, и его мысли материализовались. Он хотел избавиться от ее призрака, а получилось так, что она возвращалась. Та, с которой он намеревался встретиться, если бы не решил вопрос с Артуро. Та, которую бы не хотел больше никогда видеть, ведь тогда бы пришлось... Ведь она... она смогла. Она попыталась изменить их жизни, ценой своей собственной.

Рейнальдо стукнул папкой по своей ладони. Она смогла. Смог и он, а сейчас? Он сможет? Хватит ли у него сил и времени, чтобы все решить, чтобы... он вздохнул. Внутри него бушевал ураган, а снаружи ни единой эмоции, простая легкая полуулыбка. Он хотел бы спросить, да у кого спрашивать? Рейнальдо подошел к переходу.

– Вам открыть? – поинтересовался охранник.

Рейнальдо кивнул. Звон ключей, щелчок, и проход был свободен. Вот уже двадцать лет он изредка проходил по нему, словно хотел удостовериться в том, что ее нет, что она не вернулась. Чувствуя за спиной ее невидимое присутствие, словно она стояла позади него, держа в руках чашечку кофе, смотрела внимательно, пронзая взглядом. Она еще была далеко, а ее призрак становился реальным, живым, он сглотнул, ощущая приступ тошноты. К тошноте он привык во время многочисленных курсов химиотерапии, ее возвращение спутало всего его планы и новость в конверте чуть не лишила самообладания. Кашлянув, Рейнальдо шагнул на мраморный серый пол. Он привык бороться, но иногда хотелось остановиться, чтобы просто пожить.

Высокие окна открывали прекрасный вид на город. С одной стороны – центр, с другой – аэропорт. Ночной город завораживал. Над городом сгущались тучи, как и в его жизни не было просвета. Один удар за другим. Спазм в желудке заставил поморщиться. Он просто не обедал, отмахнулся Рейнальдо, вот и все эти симптомы. Это просто нервы, он кашлянул, прижав руку ко рту, прочистил горло.

– Я свет включу, – позади него закопошился охранник.

– Не нужно, можете тут закрыть, – Рейнальдо обернулся к нему. – Доброй ночи.

Он смотрел на сеньора, на лице которого появилась легкая полуулыбка, никак не вязавшаяся со слишком серьезным взглядом, с напряженными плечами и резкими движениями, но охраннику хотелось поскорее вернуться в свою комнату, чтобы продолжить смотреть футбол.

– До свидания, сеньор, – охранник торопливо закрыл дверь.

Рейнальдо медленно пошел, туда, где горел свет. Так бы шел и шел. Шел бы очень долго, чтобы не возвращаться в свой кабинет. Так хотелось остаться в этом переходе, забыть обо всем, не думать... но не думать не получалось. Ему нужно было принимать решения.

Рейнальдо остановился. Мокрые струйки расплзались на стекле, за окном, как и предсказывал прогноз, разыгралась непогода. Он не любил просто стоять и смотреть. Ему всегда хотелось динамики, действий, но сейчас он остановился, словно взял передышку, пока еще один, пока еще она не пришла. Он понимал, что сам давал ее призраку сил, уже не призраку, скоро она появится воплоти. Неизвестность скорее настораживала, чем пугала. Бояться, он не боялся. Он уже терял. Утрата далась очень тяжело, но со временем пришло смирение и благодарность, что у него остался сын. Время давило на него.

Ему осталось только научить. Рейнальдо запрокинул голову и вздохнул, размяв плечи, встряхнулся, стараясь сбросить напряжение, тем более когда за ним никто не наблюдал. Он

взялся за поручень и наклонился, весь вес перенес на руки, закрыл глаза. Дышал часто, стараясь справиться с тошнотой, накотившей внезапно. Он обедал? Рейнальдо пытался вспомнить? Прочистил горло и выпрямился.

Бросив взгляд на темный город, повернулся, вышел из перехода и закрыл дверь. Теперь уже временно, он понимал, что все менялось. Рейнальдо зашел в кабинет, положил папку на стол, вытащил из ящика вскрытый конверт, сунул его в карман пиджака.

Он вновь набрал номер сына, услышав механический голос, отклонил вызов. Одиночество давно стало его верным спутником, но в этот момент он чувствовал его очень остро. Ему хотелось спокойствия, простого человеческого тепла, но это была непозволительна роскошь для него.

Рейнальдо взял ключи от машины, выключил свет и вышел из приемной. Ехать домой не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Он сел в машину, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза...

...он держался спинку кресла двумя руками.

– Ты ездила туда? – Матиас смотрел на сестру.

– Да, но я опоздала, – Исабель прижала руки к горящим щекам. – Я не успела, меня задержали на работе. Я должна была ее встретить.

– Я видел ее, – с порога заявил Максимилиано.

Исабель и Матиас повернулись к нему. Горящий взгляд, граничащий с безумием, взлохмаченные волосы, на его бледном лице отчетливо проступали шрамы прошлой трагедии, которые не удалось скрыть пластическим хирургам. Сегодня они отчетливо проступали, если раньше она совсем их не замечала, то сейчас они бросались в глаза, делая его чужим, как будто бы она видела его впервые.

– Макс, – Исабель сделала шаг и остановилась.

Она взглянула на брата. Тот окинул кресло и развел руки, показывая всем своим видом, что сама виновата. Получила то, что заслужила.

– Я видел убийцу своей матери, я прикоснулся к ней, – он посмотрел на свои руки, – я, – его руки тряслись.

Он еще помнил, как сжимал ее горло, понимал, что был в шаге, чтобы убить.

– Максимилиано, что ты сделал? – Исабель бросилась к нему.

– Я? – он смотрела на нее безумным взглядом, – я чуть не убил ее, – признался он.

Матиас схватился за голову. Исабель вскрикнула и прижала ладошку ко рту:

– Что ты сделал? – прошептала она.

Исабель отчетливо помнила пустую территорию около тюрьмы. Ни единого следа Оливии Торрес, лишь пара тряпок на обочине. Она не хотела думать, что с ней случилось, она не могла даже предположить, куда та отправилась.

– Ты не причинил ей вред? – спросила она, взяв его за руки.

Исабель зажала его ладони, пытаясь успокоить.

– Матиас, принеси воды, – попросила она.

Исабель потянула Максимилиано за собой. Она усадила его на кресло, подтянула другое и села напротив него, вновь взяла его за руки.

– Макс, что ты сделал? – она смотрела на него.

Он слышал, что она спрашивала, понимал, а перед глазами стояли глаза той женщины, которая убила его мать. Огромные, зеленоватые, он видел ужас и страх в ее глазах, страх не за себя, за него, когда она молила не делать этого. Она знала, о чем просила, она не хотела, чтобы он совершил преступление. Она не боялась умереть, она боялась за него. И это пугало его. Она волновалась за него. Почему же ее не волновала ее собственная смерть? Он не понимал этого.

– Я уехал, – прошептал Макс и склонил голову, – я оставил ее там и уехал.

– Максимилиано, – Исабель взяла стакан с водой и протянула его ему. – Выпей, – попросила она.

Он покачал головой, но потом взял и осушил стакан до дна.

– Она живая, она будет ходить, дышать, она будет делать все то, что не сможет сделать моя мама, – он вскочил с кресла.

Исабель держала пустой стакан. Она не могла посмотреть на Максимилиано.

– Почему ее освободили? Почему она на свободе? – не понимал он.

– Она жива? – спросила Исабель, не поднимая головы.

– Жива! – Максимилиано остановился, перестав мерить комнату шагами. – Она жива, а моя мать мертва.

– Она отсидела двадцать лет, – робко начала Исабель.

– Что? – Максимилиано уставился на нее.

– Макс, присядь, успокойся, – вмешался Матиас.

Он толкнул кресло в сторону друга и выразительно посмотрел на сестру.

– Она должна была сидеть всю жизнь! – Максимилиано остановил кресло и толкнул его в сторону.

– А если она была, – начала Исабель.

– Макс, – Матиас встал между ними, перебив сестру.

– Подожди, – Максимилиано обошел Матиаса и взглянул на Исабель. – Иса? Что ты хочешь мне сказать? – спросил он, сквозь стиснутые зубы.

Исабель, вздохнув, встала. Она все еще держала пустой стакан в руке.

– Я не прошу тебя понять меня, – начала она.

– Что ты сделала? – Максимилиано схватил ее за руки.

Стакан выпал из ее руки, упав на пол, разлетелся на осколки. Звук эхом отскочил от стен. Он все еще звенел в ушах, когда она посмотрела ему в глаза.

– Я подала прошение, – призналась Исабель, – это сделала я.

Она не могла была больше молчать. Все равно все бы узнали. Она смотрела в глаза Макс, он все еще сжимал ее запястья, а потом разжал руки.

– Как ты могла? – его голо сел. – Зачем ты это сделала? Зачем ты поспособствовала ее выходу? Ты предала меня, – он сделал шаг назад.

Исабель покачала головой:

– Я не могла иначе, слишком много было несостыковок в ее деле, – начала она.

– Ты хочешь сказать, что она невиновна? Не смей меня! – закричал Максимилиано. – Он убийца, это признали все, это признал суд, она сама призналась!

– Я, – Исабель опустила голову, ощущая вину, и в тоже время, она верила в то, что была права, – я не уверена.

– Ты не уверена, ты все решила, ты ничего ни с кем не обсудила! – он уже не кричал.

Максимилиано просто отходил от нее назад.

– Ты не стал бы со мной это обсуждать, – Исабель теребила пальцами край блузки.

– Не стал бы, – согласился с ней Максимилиано.

Он тяжело дышал, взгляд стал рассеянным, он переводил его с Исабель на Матиаса, потом снова на Исабель.

– Если бы не ты, я бы никогда ее не увидел, – прошептал он.

– Прости меня, – также тихо произнесла Исабель.

– Я никогда не прошу тебе этого, – он спиной толкнул дверь. – Никогда. Между нами все кончено! – он почти повернулся, чтобы уйти, но задержался на миг. – Я не смогу с тобой работать, это все.

Максимилиано вышел, дверь плавно закрылась. Исабель прижала руки ко рту, чтобы не разрыдаться в голос.

– У тебя было все, – налетел на нее Матиас, – все! – он сжал ее плечи, – ты понимаешь, что все разрушила своей навязчивой идеей, что папа умер не просто так?! Почему ты не можешь принять, что у него был простой сердечный приступ?!

Слезы катились по ее щекам:

– Он был совершенно здоров, – прошептала она.

– Ты лишила себя будущего, – Матиас отпустил ее плечи. – Ты сломала мою!

Матиас сжал кулаки, закрыл глаза. Открыв их вновь, он смотрел на нее обреченно. Взял метлу и совок, стал механически сметать осколки разбитого стакана. Он мел, Исабель смотрела на него, собрать осколки было не проблемой, а вот склеить и восстановить стало нереально.

– У нас будет другое будущее, – прошептала она, вытирая слезы. – Женщина вышла на свободу, значит все было не напрасно.

Матиас остановился и взглянул на сестру:

– Ты не знаешь, ты не уверена, поэтому не нужно тешить себя призрачными иллюзиями своей правды, – он выбросил осколки в мусорное ведро. – Нужно заплатить за пансион дедушки, – напомнил он.

– Я помню, – кивнула Исабель.

– Сейчас да, а что будет завтра? Завтра, когда тебя уволят? – он поставил метлу и совок в угол.

– Я найду другую работу, – Исабель уже не держалась за телефон, не пыталась звонить Максимилиано.

Матиас покачал головой:

– У нас было все, – сказал он, – и ты нас всего лишила.

Исабель повернулась к нему. Ей хотелось сказать, что она тоже устала слушать его упреки, что она устала одна думать о них двоих, решать его и свои проблемы. Она многое хотела ему сказать, но просто стояла и смотрела на него, понимая, что он ее единственный родной человек, не считая дедушки, но тот уже давно не приходил в себя, не узнавал их, а если узнавал, что считал их маленькими детьми, требовал сестр к нему на колени. Она должна была думать о своей семье, той части семьи, которая у нее осталась.

– Я должна найти Оливию Торрес, – Исабель обхватила себя руками.

– Забудь ты о ней, ты уже достаточно для нее сделала, – разозлился брат. – Или, – он осекся, – найди, – он подошел к ней, – ты должна ее найти, – кивнул он, – она заплатит тебе за твои услуги! – он улыбнулся.

Исабель поморщилась от его слов. Матиас же обхватил ее и сжал в своих объятиях:

– Я помогу тебе ее найти, она наш единственный вариант, – он улыбался. – У нас все получится, – он смотрел на их отражение в зеркале. – Оливия Торрес – наше с тобой спасение!

Исабель уткнулась в плечо брата. Ей неприятно было слышать слова брата, всегда искавшего легкие пути решения своих проблем, при этом за счет нее. Он всегда оставался в стороне, в стенах своего салона без посетителей, но с грандиозными планами. Планами, которые должна была превращать в жизнь Исабель.

Она держалась за брата, все понимала, и не могла отпустить его, не могла сказать, что он был не прав, что не должен был так думать, и все же она просто стояла с ним рядом, получая так необходимую ей поддержку...

...он поддержал ее, не дал упасть. Ее ноги дрожали и не слушались, руки заledenели так, что она почти не чувствовала их. Оливия с трудом сняла шлем и отдала ему его. Позади нее в тени деревьев утопал кирпичный дом. Она еще не смотрела на него, боялась взглянуть, словно не верила, что могла видеть, могла зайти, что она – наконец-то дома.

– Все-таки сеньора, – он повесил шлем на руку и вытащил сигарету.

Оливия повернулась к нему:

– Спасибо, что подвез, – она смотрела на него.

Молодой человек закурил. Дождь еще накрапывал, но они не обращали внимания. Оливия поправила прилипшую к ее телу рубашку. Холод стен тюрьмы был не сравним с реальным и настоящим холодом снаружи, тем более, когда вся одежда промокла насквозь. Во время езды она прижималась к его спине, наклонялась на поворотах вместе с ним, как он и сказал. Она запомнила, лишь первый раз, забылась, он остановился и отчитал ее, как девчонку, поясняя, что они разобьются, если она не будет двигаться вместе с ним, что оставит ее на дороге. Она пряталась за его спиной, пока еще худощавой, но со временем он возмужает.

Он вытащил кольцо из кармана брюк и подкинул его на своей ладони. Небольшая россыпь бриллиантов заиграла под светом фонаря. «И в радости и в горе,» – всплыли в памяти слова ее мужа. Парень сжал кольцо и посмотрела на Оливию. Она поправила волосы, подставляя лицо дождю. Стояла, закрыв глаза, и плакала. Он видел ее слезы, видел подобные слезы не раз, когда приезжал к воротам тюрьмы. Слезы свободы, слезы отчаяния, слезы радости и боли, все было вперемешку, всего вдоволь.

– Если нужен буду, позвоните, – он бросил недокуренную сигарету на землю.

Сунул руку в карман, вытащил пачку сигарет, оторвал клочок бумаги, достал маленькую ручку с черепом на конце, написал цифры и подал ей. Оливия кивнула, пряча клочок картонки от пачки сигарет в карман штанов. Она не знала новый мир, не понимала еще ничего, кроме одного, одна была дома. Всего несколько шагов, ворота, калитка, ключи от дома.

– Удачи, – он надел шлем, двигатель взревел, и он уехал, оставив ее одну.

Добралась, мысленно произнесла она. Дома. Оливия медленно повернулась и посмотрела. Она не верила, что смотрела на родные стены, что видела все это в живую, по-настоящему, что это все не грезилось ей. Слезы вновь хлынули из ее глаз, в руке звякнули ключи. Это единственное, что у нее осталось. Она вздохнула и направилась к воротам, понимая, что они могли быть закрыты, что ранчо могло уже не принадлежать им, что замки могли сменить, что все могло кардинально поменяться за эти годы.

Она подошла к незнакомым воротам. Посмотрела на моргающий фонарь, калитки не было, либо ее перенесли. Оливия стояла и смотрела, держа ключи в руках. Ее дом и нее в тоже время. Что-то пикнуло сбоку, вынуждая ее повернуться. Ворота поддались и покатались в сторону. Ее ждали, внутри кто-то был. Сын?! Губы Оливии задрожали. Она хотела сорваться и бежать, чтобы наконец-то увидеть его, обнять, но первая встреча с Максимилиано вынуждала ее стоять на месте, не торопиться. Незнание тормозило ее, ожидание поторапливало, и она медленно пошла, переступив колею автоматических ворот.

– Сеньора, – из тени вышел незнакомый мужчина.

Оливия вздрогнула. Она не знала его, но его уведомили о ее прибытии, он ждал ее, значит был предупрежден. Кем? Взгляд Оливии метнулся к темным окнам дома. Лишь в одном горел свет. Ее там ждали. Кто? Сын? Связка ключей позвякивала в ее руке. Значит дом еще принадлежал им... ей? Ее дом, ее ранчо. Здесь они выросли с Артуро. Здесь умерла их мама. Здесь тихо во сне ушел отец. Она шла к дому, полному ее собственных призраков прошлого, не знала настоящего, не ведала будущего. Шла как на эшафот, шла, чтобы принять приговор своего сына.

Оливия хотела вставить ключ в дверь, но убрала связку в карман широких брюк, надавила на ручку, и дверь открылась. Она зажмурилась, свет ударил в глаза, а изнутри повеяло долгожданным теплом. Тем самым, которого она не знала долгие годы. Мужская спина у барной стойки, она уже знала, кто это, она сразу же увидела черную ленту среди волос. Ее кошмар, ее проклятие. Оливия переступила через порог. Дверь закрылась за ней, мягко щелкнув

защелкой. Холод остался снаружи, но она дрожала, мокрая ткань холодила ее тело, прилипала, заставляя вздрагивать.

Оливия сделала шаг и остановилась. Она смотрела на спину брата. Тишина, к которой она привыкла в тюрьме, сейчас несла с собой беспокойство. У нее перехватило дыхание, когда он медленно повернулся, держась за стойку. Их взгляды встретились. Черное яблоко, как клеймо, сияло на его лице, клеймо, которое она поставила ему. Ее собственное клеймо на всю ее жизнь.

– Артуро, – прошептала она дрожащим голосом.

– Оливия, – вздрогнул он.

Они смотрели друг на друга какое-то мгновение, а потом одновременно шагнули и остановились в шаге друг от друга. Она приподняла руки, словно хотела его обнять, он дернул рукой в желании коснуться ее лица. Убрать прядь волос, упавших, мешающих ему ее лицезреть. Они смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Столько лет вдали друг от друга.

Его голова полная седых волос, морщинки в уголке глаза, стриженная борода, все такой же худощавый, но уже не угловатый. Брат стал мужчиной, возмужал без нее. Она оставила его, нарушив слово, данное отцу – всегда заботиться о брате. Она нарушила много клятв и обещаний.

Худая, истощенная, одни зеленоватые глаза на лице, грубая одежда, болтающаяся на ней, сейчас же прилипшая к ней. Растрепанные волосы с седыми прядями. Ее тело сотрясал озноб. И все же перед ним стояла его сестра. Живая.

Время не пощадило обоих. Они смотрели друг на друга, почти прикасались, стоя на небольшом расстоянии, не в силах преодолеть этот один единственный шаг. Момент, когда могли бы обняться, был упущен. Реальность обрушилась на них с раскатом грома, заставив сделать шаг назад.

– Ты вернулась, – произнес он.

Этот голос. Она наконец-то услышала родной голос, тот самый, который сыграл решающую роль в ее приговоре. Именно он нанес свой последний удар, высказавшись на суде, предоставив доказательства, что она опасна для людей.

– Ты осудил меня, – сорвалось с ее губ.

– Я сказал правду, – парировал Артуро. – Я сделал то, что от меня просили, правду и только правду.

Оливию трясло. Она повернулась, осматриваясь. Не знала, куда деть руки, как согреться. Она совсем разучилась разговаривать. Она терялась в родных стенах. Сорвав с дивана плед, накинула его себе на плечи. Понимала только одно – это все еще был ее дом. Отец оставил ей его по завещанию, и он принадлежал ей.

– Твои слова стали моим обвинением, – Оливия куталась в плед, ища драгоценное тепло.

– Ты лишила меня глаза, – напомнил Артуро. – Ты сделала из меня инвалида. Я был не прав? – он смотрел на нее своим единственным глазом.

Оливия качала головой. Он был прав, она сама была виновата. Виновата во всем, что натворила.

– Я не заставлял тебя убивать мужа и его любовницу, – Артуро отошел к барной стойке, увеличивая расстояние между ними. – Ты знала, что она ждала ребенка? – обернувшись, спросил он.

Оливия кивнула. Она все знала, она знала и нажала на газ, сталкивая машину мужа с его любовницей с седьмого этажа строящейся стоянки. В тот момент она не думала ни о чем, кроме обиды, охватившей ее. Она была так зла от несправедливого поступка Маркуса.

– Она ждала ребенка от моего мужа, – прошептала она. – Я знала все. И я ждала от него ребенка, – напомнила она.

– Ты знала, – Артуро слегка покачивался, держась за камин.

– Он хотел развода, – напомнила Оливия. – мы бы лишились всего.

– Я предупреждал тебя, я был против того, чтобы ты передавала ему правление, – его голос становился крепче, увереннее.

– Я подписала ему документы, – согласилась с ним Оливия, – развод лишил бы нас всего, я не могла этого допустить.

– Поэтому ты решила его убить, – развел руками Артуро. – Что ты хочешь от меня теперь? Ты будешь дальше утверждать, что я был не прав, обвинять меня в том, что на суде я сказал правду? Я же предупреждал тебя, что ты все потеряешь.

Оливия склонила голову. Она действительно потеряла все.

– А теперь из-за тебя и я теряю, – произнес Артуро. – Ее муж мстит нам, он хочет отобрать все. И в этом тоже твоя вина. Ты оставила меня одного. Ты оставила меня с клеймом сестры-убийцы.

Оливия ничего не понимала. Они начали этот разговор много лет назад, и опять продолжили его, словно не было всех этих лет. С обвинений в поступках прошлого, Артуро перескочил на дела сегодняшних дней.

– У тебя моя доверенность, ты управляешь нашей частью, – напомнила она, – большей частью. Решающий пакет у нас. – Оливия спрятала руки под плед, наконец-то начиная чувствовать пальцы.

Она хотела, чтобы он остановился, не давил. Оливия еще плохо понимала, а он пытался требовать от нее ответы.

– Уже нет, – признался Артуро, смотря в ее глаза, думал только об одном – успеть...

...успеть. Одно единственно слово билось в его голове. Завершить, сказать, научить. Рейнальдо сидел за фортепиано, но крышку так и не открыл. Пальцы не коснулись клавиш. Он сидел и смотреть на любимый инструмент, но музыку слышать не хотел. Вернулся. Рейнальдо повернулся к окну. Фары подъезжающей машины мелькнули и погасли. Максимилиано наконец-то дома, хоть какое-то облегчение, что с сыном все в порядке. Рейнальдо встал, не зная, чего ожидать от него. Он был готов к его требованиям и непониманию, не в первый раз они спорили и у них возникали разногласия, но на кону стояла их собственная жизнь, их будущее, его.

– Я видел ее, – с порога сообщил Максимилиано.

Он ожидал чего угодно, но только не этого. Он хотел бы стоять рядом с ним в момент их встречи. Рейнальдо побледнел. Он положил руку на фортепиано. Он не стал спрашивать – кого он видел, он знал ответ на этот вопрос.

– И что она? – Рейнальдо внимательно смотрел на сына.

Он замер, прижав руку к груди, там, где лежал вскрытый им конверт, там, где защемило сердце.

– Что она? – Максимилиано не верил своим ушам. – Тебя интересует она?! Не я? Папа, что с тобой происходит? Что с вами со всеми случилось? Ты знаешь, что Исабель, – он запнулся, поднял руку, словно указывал на нее, – что Исабель сделала так, чтобы убийца моей матери вышла на свободу, – его рука упала.

Рейнальдо казалось не слышал его. Он закрыл на мгновение глаза, пытаясь привести дыхание в норму, пытался справиться с тошнотой, так некстати подкатившей, и этот ком в горле, мешающий ему говорить, он закашлялся. Максимилиано подбежал к нему.

– Что с тобой? – он помог ему присесть. – Что происходит, папа? Ты плохо себя чувствуешь? Ты был у врача?

Рейнальдо покачал головой:

– Поперхнулся, – отмахнулся он, делал глубокие вдохи и выдохи, стараясь привести дыхание в норму. – Что Исабель? – спросил Рейнальдо, стараясь сглотнуть вставший ком в горле.

– Я ее ненавижу, между нами все кончено, – Максимилиано размахивал руками. – Я не понимаю, почему она это сделала? Почему позволила убийце выйти на свободу? Папа?!

Рейнальдо вытер испарину со лба. В голове смешались все мысли, сердце билось где-то на уровне гортани. Он молча смотрел на сына.

– Ты ее уволишь? – спросил Максимилиано.

Рейнальдо молчал. Тошнота стала отступать. Он прочистил горло, сглатывая ком. Дыхание все еще оставалось тяжелым.

– Я поговорю с ней, – хриплым голосом произнес Рейнальдо.

Призраки становились реальными, они обретали плоть. Время неустанно спешило вперед.

– Ты лучше позвони сеньору Артуро, нужно с ним решить все дела, я не хочу, я не хочу ее видеть, – Максимилиано остановился. – Я не хочу, папа.

Он взял стул и подтянул его ближе, повернул и сел на него верхом, положив руки на спинку. Его волновал бледный вид отца, но убийца его матери тревожила сильнее.

– Я не могу его найти, – устало признался Рейнальдо.

– Я наберу, – Максимилиано вытащил телефон.

Он уже не кричал. Всю свою злость и весь свой гнев выплеснул в салоне на Исабель, теперь же он ощущал себя полностью опустошенным, лишь обида терзала его и предательство любимой девушки причиняло душевную боль.

– Не доступен, – рассердился Макс.

Рейнальдо скрипнул зубами. Он прекрасно понимал, что Артуро в данный момент было просто не до них. Скорее всего он решал вопрос с Оливией. Он был со своей сестрой. Где еще он быть?

– Уже поздно, – Рейнальдо даже не пытался выдавить полуулыбку.

Он коснулся кармана пиджака и опустил руку.

– Нам нужно всем отдохнуть, – произнес он.

– Я не хочу отдыхать, спать, – Максимилиано вскочил со стула. – Я хочу решить, я хочу, чтобы она никогда больше не появлялась в нашей жизни. Я ее ненавижу. Она не имеет права жить.

Рейнальдо молча слушал его.

– А ты? – Максимилиано остановился и повернулся к отцу. – Что ты к ней испытываешь?

Рейнальдо смотрел сыну в глаза. Он бы многое сказал, но молчал, он просто молчал.

– Тебе нечего сказать? – удивился Максимилиано. – Ты забыл, что она сделала?

– Я все помню, – Рейнальдо встал. – Я все помню, – он искоса посмотрел на сына, – но лучше бы я забыл.

– Что ты хочешь этим сказать? – в изумлении он развел руки. – Что тебе все равно, что она вышла на свободу, что она жива, что она возможно завтра будет уже в офисе?

– Если она завтра будет в офисе, – Рейнальдо направился к лестнице, у ее подножия он остановился, – мы ее встретим, я все подготовил.

– Что, папа? – Максимилиано поспешил за ним. – Что ты сделал? Ты не хочешь мне сказать? И что с Исабель? – он жаждал услышать ответы. – Я хочу, чтобы ты ее уволил! – потребовал он.

– Знаешь, – Рейнальдо посмотрел на него сверху вниз, – я тоже очень многого хочу, но порой это непозволительная роскошь, спокойной ночи, сын.

Он повернулся и скрылся в своей спальне. Максимилиано хотел подняться за ним следом, ворваться в его комнату, чтобы он ответил, чтобы рассказал, поделился своими планами, но не смел. Не смел перечить отцу. Ему и сейчас было ужасно неловко за свое поведение в кабинете отца. Он подошел к бару и налил виски. Залпом выпил первую порцию, вторую и остановился.

Рейнальдо всегда учил его выдержки. Максимилиано закрыл глаза и положил голову на руки. Он так любил Рейнальдо, боготворил его.

– Прости меня, – прошептал он в пустоту комнаты. – Прости.

Спать совсем не хотелось. Может Рейнальдо и мог уснуть, а Максимилиано встал и бродил по гостиной, приглушил свет, сел за фортепиано, но нажать на клавиши не рискнул, боялся потревожить сон Рейнальдо. Рейнальдо был для него всем. Отцом, другом, всей его семьей. А еще Иса, Максимилиано взял телефон, включил его, почти нажал вызов, но опомнился, она же предала его. Она потеряла его доверие. Она... телефон запищал, оповещая о пропущенных звонках и сообщениях. Он выключил звук, сунул телефон в карман и поднялся вверх. Слишком тяжелый день, впереди такая же бессонная ночь...

...за окном в ночи бушевала непогода, а внутри дома, закутавшись в плед, она стояла перед Артуро. Они вновь спорили, как будто бы не было этих двадцати лет.

– Что ты должен успеть? – спросила Оливия.

Ее ноги дрожали от усталости. Она уже не помнила утро... нет, она его помнила хорошо, такое сложно забыть. Будет помнить его всегда, тюремщик оказался прав.

– Мы должны решить, – Артуро присел на стул.

А она все стояла. Словно позабыв, что имела право делать, не спрашивая на это разрешения.

– Что? – Оливия поморщилась от спазма в желудке.

Она не ела ничего с самого утра, не пила. Пить, она безумно захотела пить. Просто воды, чистой, без запаха. Осматриваясь, она увидела графин. Облизав потрескавшиеся губы, подошла к барной стойке, не замечая, что Артуро отодвинулся, словно боялся, что она прикоснется к нему. Боялась и она дотронуться до него. Придерживая плед одной рукой, она налила полный стакан, пролив немного воды на столешницу. Смотрела на капли, пока пила, жадно, не дыша. Свежая, чистая, как роса по утру, она мгновенно вспомнила этот вкус. Несмотря на то, что не могла еще согреться, ей захотелось добавить в воду пару кусочков льда, чтобы та стала слегка прохладной, освежающей. Потом, подумала, она, в следующий раз... и остановилась, убрав бокал. Сейчас. Следующего раза просто могло не быть – этот урок она очень хорошо усвоила.

– Где лед? – спросила она.

– Что? – нахмурился Артуро.

– Я спрашиваю, где я могу взять лед? Тут есть кто-нибудь, кто мог бы приготовить мне еду и чистую постель? Где я могу принять душ и переодеться? – она посмотрела на брата из-под ресниц.

Артуро стало не по себе, он заерзал на стуле. Она не спрашивала, она ставила условия. Это был ее дом, и она понимала это.

– Я еще полностью не подготовил его к твоему возвращению, только утром узнал, – словно оправдывался он.

– Я хочу есть, хочу принять душ, хочу переодеться, – Оливия наполнила бокал водой, – и я спросила, где могу взять лед?

Артуро вскочил со стула:

– Я тебе не слуга! – взорвался он.

– Ты мой брат, – согласилась она. – Ты открыл дом, пригласил охранника.

– Я это сделал для тебя, – он отошел от нее назад, его губы сжались в тонкую линию.

– Я не брошу в тебя дротик, – прошептала Оливия, – больше никогда. Я дала слово, что никогда больше не возьму в руки дротик.

– Я не знаю, что у тебя на уме, – Артуро зашел за барную стойку, открыл дверцу шкафа, за которой находился холодильник, вытащил емкость с кусочками льда. – Ты промокла, дрожишь и хочешь лед? Ты заболеешь, – он все же предостерег ее.

Оливия бросила в бокал два кусочка льда, посмотрела и добавила еще один. Артуро покачал головой. Она жадно припала к бокалу, вода освежала. Именно о такой она мечтала все эти годы, прохладной, свежей. Оливия допила, вытерла губы и посмотрела на брата. У нее рвался вопрос – где ее Санти, где ее сын, но боялась его задать, а брат не спешил вводить ее в курс дела. Его интересовал его собственный вопрос, на который она пока не знала ответа.

Оливия не спешила с расспросами. Она уже мельком услышала, что у него были проблемы, но чтобы что-то ответить, ей нужно было бы разобраться. Она извлекла слишком хороший урок – больше не торопиться в таких делах. Тем более брат не спешил встретиться с ней, не приходил в тюрьму, чтобы спросить у нее совета. Почему хотел, чтобы она сейчас ответила ему?

– Ты молчишь? – Артуро пожал плечами.

– Молчишь и ты, – парировала Оливия.

Она напилась, теперь желудок напомнил о себе избытком воды. Оливия отвернулась от брата, прислушиваясь к дому – гробовую тишину нарушали звуки работающей техники: обогреватель, холодильник, что-то еще, незнакомое ей. А ей так хотелось услышать шаги, шаги сына. Хотелось посмотреть ему в глаза, и почему она боялась спросить о нем Артуро? Почему сейчас, она повернулась к брату, и у нее сразу засосало под ложечкой. Почему ее сын не приехал вместе с ним? Где он был? Что с ним? Нехорошее предчувствие охватило ее.

Артуро расстегнул пуговицу на воротнике рубашки. Он давно уже не ощущал такой неуверенности, а сейчас, когда она так пристально посмотрела на него, внутри него поселилась паника. Он уже знал ее следующий вопрос.

– Где мой сын? – вот она и задала его.

– Что? – зачем-то переспросил Артуро.

– Где Санти? Почему он не с тобой? Он не хочет меня видеть? Что ты сказал ему? Почему он не приехал? – задав первый, самый сложный вопрос, она не могла остановиться.

Она хотела все знать о своем сыне, даже могла понять, что он не захотел ее увидеть сейчас, может и правильно поступил Артуро, что приехал один, ей нужно привести себя в порядок, нужно смыть всю грязь, в которой ее искупал тюремщик, смыть его прикосновения. Она могла бы смыть многое, кроме статуса «убийцы».

– Когда я смогу его увидеть? Ты же не будешь препятствовать моей с ним встречи? – Оливия больше не хотела говорить о работе, не хотела спорить с братом.

Она пока не была готова к таким разговорам. Уже согрелась, но снимать плед не спешила, одежда все еще оставалась мокрой. Убрав плед, она бы мгновенно замерзла.

Артуро качал головой, не произнося ни слова.

– Артуро?! – Оливия отбросила условности. – Что с моим сыном? – теперь страх охватил ее, он из неприятного предчувствия, становился реальным ужасом.

Она видела это по глазу Артуро. Она читала это на его лице. Ее глаза наполнились слезами. Она еще не верила, но уже знала ответ. Она не принимала его, не хотела слышать и в тоже время требовала ответ.

– Скажи мне это! – настаивала она, отпуская плед.

Он упал к ее ногам, согретая ткань одежды мгновенно стала охлаждаться, несмотря на тепло в гостиной.

– Артуро?! – ее голос сел. Она прижала руку ко рту. – Артуро, – она приблизилась к нему.

Ее руки опустились на его плечи. Она все таки прикоснулась к нему. Первая дотронулась до брата. До родного человека.

– Пожалуйста, – слезы катились по ее щекам.

– Он погиб, – прошептал Артуро. – Я похоронил его рядом с нашими родителями. Он не приехал со мной, потому что он мертв.

Артуро стиснул ее в своих объятиях, прижал голову к своему плечу, заглушая ее крик, сорвавшийся с ее губ...

Глава 4

Мертв, мертв, мертв. Одно слово билось в голове, пульсируя в висках. Оливия едва стояла на ногах, опираясь на Артуро, она балансировала на грани безумства. Одно короткое слово лишило ее всего: надежды, веры, спасения, смысла. Сын, ее маленький Санти, она все эти годы жила и тешила себя иллюзией, что однажды они встретятся. Она верила, что он ее ждал. Она вытаскивала себя из омута отчаяния все долгие годы в камеры одним его именем... теперь же за одну секунду все стало ничем.

Оливия цеплялась за Артуро из последних сил, он прижимал ее голову к своему плечу одной рукой, второй поддерживал под спину. Стон стих, она лишь вздрагивала, Артуро прижался щекой к ее волосам и еще сильнее обнял ее. Впервые за долгие годы она услышала звук другого сердца. Родного. Оливия чувствовала это, но не понимала, зачем? Для чего? Ее ноги подкосились, пальцы разжались, и они вместе медленно опустились на пол.

Артуро помог ей облокотиться о спинку дивана, и сел с ней рядом. Оливия остро чувствовала его присутствие рядом. Она подтянула ноги и обняла колени, словно находилась в своей камере, только в этот раз спиной она упиралась в мягкую обивку дивана, ее израненная кожа спины, сквозь грубую ткань рубашки, прижималась к мягкой ворсистой ткани.

Артуро вытянул ногу, вторую согнул в колене и положил на нее руку, второй рукой обнял сестру за плечи. Они молча сидели рядом друг с другом. Для Оливии было обычным делом молчать, он же смотрел перед собой. Они на мгновение вернулись в свое детство, когда сидели вот так же перед диваном, а няня на кресле читала им волшебную историю. Только тогда, много лет назад, именно Оливия обнимала его, чтобы ему было не страшно. Реальная жизнь оказалась намного страшнее прочитанных им в детстве книг.

Оливия вновь начала дрожать. На этот раз холод возвращался медленно, проникая в кровь, он леденил ее душу. Потихоньку рука Артуро сползла с ее плеч, он поерзал, увеличивая расстояние между. Всего на какие-то минуты, они стали близкими людьми, пока не вспомнились взаимные обиды и упреки, и мост, брошенный через пропасть взаимных претензий, растворился в молчании.

– Как это произошло? – тихим сиплым голосом спросила Оливия.

Она положила подбородок на колени. Артуро повернулся к ней, ее хрупкие плечи сотрясала дрожь. Она сидела, собравшись в комочек, словно старалась занимать как можно меньше места, словно пыталась обратиться в ничто. Он стянул другой плед с дивана и накинул ей его на плечи. Простой жест вызвал в ней целую бурю эмоций. Никто о ней не заботился долгие годы. Оливия взглянула на него, Артуро поправил плед, укутал ее.

– Заболеешь, – снова предупредил он ее.

Она лишь пожала плечами. Кого это могло интересовать? Она осталась совершенно одна. Оливия мечтала об одном – увидеться с сыном, чтобы вымолить у него прощение, чтобы быть с ним, заботиться о нем.

– Как? – повторила она свой вопрос, смотря на Артуро.

– Произошел пожар, – он отвернулся.

Оливия нахмурилась.

– Няня не досмотрела, – Артуро скрестил пальцы рук, расположив руки на коленях. – В тот день дул сильный ветер. Они побежали смотреть лошадей. Кто-то бросил окуроч, начался пожар, конюшня обрушилась. Их хватились не сразу, все спасали лошадей, – он говорил с остановками, тяжело вздыхая. – Он, – Артуро закрыл глаз, словно собирался с духом, чтобы сказать, – его раздавило, – прошептал он, не открывая глаза. – Санти не удалось спасти, у него не было ни единого шанса. Извини.

Извини? Оливия раскачивалась, пытаясь осознать, пытаясь принять ужасную смерть сына, она покачала головой, не веря, не принимая. Она доверила ему самое ценное, что у нее было – жизнь ее сына, и он просил у нее прощения, словно жизнь ее сына ничего не стоила для него?

– Это случилось через полгода после твоего суда, – он открыл глаз.

– Почему няня его оставила? Кто бросил окурки? Почему начался пожар? – спросила Оливия. – Что Санти делал там? Почему никто не смотрел за ребенком? Почему спасли лошадей? Почему никто не спасал моего сына?

Она задавала вопросы, понимая, что все они не имели никакого смысла, Санти уже было не вернуть, но он хотела знать. Она хотела знать все в мельчайших подробностях.

– Почему няня оставила его одного? Почему никому не было дела до моего сына, Артуро? – Оливия повернулась к нему. – Ты дал мне слово, что позаботишься о моем сыне, – напомнила она. – Почему мне никто не сказал, что мой сын погиб?

– Я не мог, – он опустил голову. – Я не мог тебе этого сказать.

– Ты решил, что мне лучше не знать? Ты решил, что со мной лучше не видеться? Почему ты такой бесчувственный, Артуро? – Оливия смотрела прямо перед собой.

– Это была милость, – прошептал Артуро. – Смерть Санти, – он замолчал, посмотрел на нее, – смерть Санти ты бы не пережила.

Оливия понимала, что ее брат был в чем-то прав, но зачем она тогда вообще жила, зачем ее освободили? Зачем? Оливия опустила голову на колени и закрыла глаза. Они играли, смотрели лошадей. У него не было шанса. У кого он был? Они?!

– Кто они? – спросила Оливия, не поднимая головы, уже зная ответ, слишком был он очевиден.

– Макса, они же всегда играли вместе, – напомнил он. – Первого достали Санти, – продолжил Артуро.

Достали. Ее не было с ним рядом, она не смотрела за ним. Это она виновата в том, что ее сын не вырос. Она выписала ему смертный приговор, когда нажала на газ в тот день. Все было слишком поздно, ее сын был уже мертв. Оливия стиснула губы, сильнее зажмурилась, еще крепче обняла колени.

– Потом уже вытащили Макса, он сильно обгорел, – слова брата причиняли ей огромную боль, они вырывали кусочки из ее итак израненной души.

Максимилиано, значит вот откуда у него шрамы. Она так ясно вспомнила его лицо. Вы убили мою маму! Всплыли в памяти его обвинения. Она виновата во всем, даже в шрамах Максимилиано, виновата в смерти своего сына. Была бы с сыном рядом, не пошел бы он на конюшню, ничего бы с ним не случилось, и Максимилиано не пострадал бы.

– Макса сразу же отправили в больницу. Потом Рейнальдо увез его за границу, прогнозов никто не давал, – он кивнул, – никто не верил, что он выживет, – Артуро пожал плечами, словно и сейчас не верил в то, что Макс выжил. – Вернулись они через три года. Максимилиано выжил, – закончив, Артуро выдохнул, словно отчитался.

Она все эти годы жила только тем, что сможет увидеть сына, и сейчас Оливия никак не могла принять, что увидит его могилу. Она вышла, чтобы жить, в то время, как ее сын давно умер. Оливия много раз представляла, каким вырос ее мальчик, но ее мальчик остался ребенком, ее маленьким Санти. Она не пропустила его жизнь, она пропустила его похороны. Все, что она могла – это положить цветы на его надгробие, у нее осталось только это – ходить на могилу сына.

– Я не хочу жить, – прошептала она.

Артуро вздрогнул и повернулся к ней.

– Зачем мне жить, Артуро? – она взглянула на брата. – Какой смысл в моем освобождении? Я не понимаю, – она покачала головой. – Я не понимаю, как жить?

Артуро молчал. Оливия смотрела на брата. Что он мог ей сказать? Она виновата, не нажала бы на газ, несчастья с Санти не случилось бы.

– Для чего мне жить дальше? – она задавала этот вопрос снова и снова.

Артуро внимательно смотрел на нее.

– Что ты хочешь? – спросил он.

– Я хочу увидеть его могилу, – попросила она.

– Сейчас ночь, – Артуро покачал головой, – утром, – он посмотрел в окно, в которое стучали струи дождя.

Впервые за все года, проведенные в тюрьме, ей хотелось, чтобы не наступало утро. Оливия ничего не хотела, кроме одного – вернуться в камеру, в те четыре стены, когда она еще ничего не знала о смерти сына, тогда у нее хотя бы была надежда, какой-то смысл. Тюремщик был прав – она не сможет, потому что просто не хотела. Хотела только одного – быть с сыном, увидеть его. Еще пятнадцать минут назад она верила в то, что все выдержит, но к смерти сына оказалась совершенно не готовой.

– Отвези меня сейчас, – попросила она. – Отвези и оставь там.

Ей хотелось оказаться на кладбище, упасть на холодную могильную плиту. Она не хотела больше ждать ни одной минуты, ни одного мгновения.

– Утром, – он словно наказывал ее, заставляя ждать. – Я отвезу тебя утром, а потом поеду решать дела.

Он встал и отошел от дивана. Оливия, сидя на полу, укутавшись в плед, смотрела на него снизу наверх.

– Мне нужно решать дела, если ты помнишь, то у нас много проблем. И самая главная – это Рейнальдо Домингес, – Артуро подошел к барной стойке.

– Проблемы у тебя, – устало прошептала Оливия, зажав уши руками. – Я ничего не хочу знать, – отмахнулась она. – Я ничего не хочу. Я хочу к своему сыну.

Она попыталась встать. Зачем? Оливия опустилась на пол. Как будто бы в камере, но все было уже не так. Спина упиралась в мягкую обивку ворсистой ткани, несмотря на то, что она практически согрелась, Оливия продолжала кутаться в плед. В камере у нее хотя бы была вера в то, что сын был жив, что она могла бы стать частью его жизни.

– Ты как всегда взваливаешь все на меня! – повысив голос, начал Артуро, не поворачиваясь к ней.

– Не кричи, – сразу же одернула его Оливия. – Я не привыкла к шуму, пожалуйста, – попросила она.

Сестра смотрела на брата. Она только что узнала о смерти сына, Артуро уже пережил эту трагедию, для нее все еще было живое, явное.

– Санти умер, его не вернуть, нужно подумать о том, кто жив, у меня есть дочь, – сообщил он.

Оливия чуть повела головой. Дочь. Она даже не спросила его, как он жил. Уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но зачем? Она не хотела ничего знать. Сейчас не хотела.

– Тебе ничего не интересно! – рассердился Артуро. – Ты как всегда интересуешься только самой собой.

– Артуро, – Оливия нашла в себе силы встать. – Я только что вышла из тюрьмы, я только что узнала, что мой сын умер, что ты от меня хочешь? – она сбросила плед с плеч.

Он мягкой грудой упал к ее ногам. Она стояла перед ним в широких штанах, которые болтались на ней, и рубашке, скрывающей ее тело, с растрепанными поседевшими волосами. Темные круги под глазами выдавали ее нечеловеческую усталость. Она вздрагивала от каждого шороха, все звуки были для нее новыми, незнакомыми. Даже Артуро, ее брат – она был для нее чужим, далеким.

– Я хочу, чтобы ты приняла решение – что дальше делать с фирмой? По твоей вине у нас нет контрольного пакета, из-за твоего решения дать право распоряжаться всем Маркусу, – он вновь и вновь укорял ее в делах минувших дней.

Оливия обхватила себя руками. Он отчитывал ее, как девчонку, словно это все имело какой-то смысл, как будто бы это все могло еще что-то исправить.

– Прошлого не изменить, – заметила она и поморщилась, пустота в голове обернулась ноющей болью в висках. – У тебя есть моя доверенность, делай, что считаешь нужным.

Артуро стиснул зубы и покачал головой. Оливия на мгновение задержалась, как будто бы хотела спросить... спросить разрешения уйти. Вздвигнув, повернулась, сбрасывая оковы плененного сознания, она не в тюрьме, она у себя дома, на своем ранчо. Оливия медленно пошла по коридору, желая остаться одна.

Темнота не пугала, она прекрасно ориентировалась и видела. Оливия осторожно толкнула дверь. Ее комната. Она уже не помнила запахи, пальцы нащупали выключатель. Уже не зажмурилась от яркой вспышки. Двухспальная кровать сразу же бросилась в глаза – здесь она зачала Санти, здесь узнала об измене мужа и его предательстве. Она медленно осматривалась – все родное и в то же время незнакомое. Нет, просто забытое. Картины на стенах, трюмо, диван, гардеробная.

Оливия распахнула двери гардеробной. Шелковая пижама, халат, носки и тапочки. Она взяла это все в охапку и прошла в душ. Раздеваясь, она словно оцепенела, чтобы не думать о том, что он смотрел, делала все механически. Включила воду, намылилась и замерла. Никто не смотрел, его не было, его больше не существовало в ее жизни. Тюремщик остался в тюрьме. Оливия начала истошно тереть кожу, пытаясь смыть всю грязь, в которой он ее искупал, смыть его запах, которым она была пропитана насквозь.

Она терла и терла кожу, намыливалась и смывала, пока не всхлипнула. Его больше не было, он не стоял позади нее, не наблюдал за ней, не торопил, не комментировал. В ванной раздавался лишь шум воды, а она как будто бы слышала его тяжелое дыхание. Оливия схватила с полочки бритву мужа, маленькое оружие, ее небольшая защита и повернулась, сжимая бритву в руке. Тюремщика не было. Она держала бритву наготове, встав в стойку.

Оливия стояла и смотрела, вода капала с ее тела, а она ждала, ждала, когда появится тюремщик. Она готова была нанести удар в его сонную артерию, в этот раз бы не отступила. Сердце гулко стучало в груди. Позади нее лилась вода, а она все ждала, пока не начала дрожать. Оливия резко развернулась и выключила воду, держа наготове в руках бритву.

Она вышла из душевой кабинки, несколько раз замирала, оборачиваясь, выбрасывая руку вперед, защищалась от невидимого врага. Наскоро вытерлась и оделась. Она так торопилась, подгоняя себя, избегая смотреть в зеркало, осознавая, что его не было, что она одна в ванной, но подкожно все еще чувствовала его незримое присутствие в ее жизни.

Шелк охлаждал кожу, вызывая неприятные ощущения, а ей так хотелось согреться. Оливия натянула носки, сбросила покрывало на пол. Она выключила верхний свет, оставив ночник, нырнула под теплое одеяло, слегка вздрагивая. Оливия лежала на большой кровати, теряясь в ней. Она хотела выключить ночник, но услышав шум в коридоре, вздрогнула и оставила свет включенным, впервые за двадцать лет она испытала совершенно другой страх.

Она тяжело дышала, словно пробежала марафон. Сердце гулко стучало в груди. Оливия сжимала бритву, понимая, что он не придет, что тюремщик далеко. Она оказалась неготовой к тому, чтобы оставаться одной в своем собственном доме. Доме, где больше не раздастся смех ее сына.

Санти. Ее маленький сынок, навсегда оставшийся маленьким мальчиком. Оливия смотрела на тени, отбрасываемые ночником, не замечая, катившихся слез. Она плакала тихо, беззвучно, лежа в своей кровати. Уже свободная, но не понимающая, зачем ей была нужна эта

свобода, зачем ей нужно было жить дальше, сжимала в руке бритву мужа, предавшего ее и их сына, как средство защиты или как средство спасения...

...

– Если вы рассматриваете это, как спасение, то да, Оливия Торрес сейчас на свободе, – Исабель решилась взглянуть на спину Рейнальдо, пока он отвернулся.

Она прекрасно понимала, что этот разговор должен был состояться. Она не могла вечно прятаться от него. Ткань синей рубашки натянулась на его крепких плечах.

– Ты спасла Оливию Торрес из тюрьмы, ты ведь так выразилась? – уточнил Рейнальдо, стоя около окна.

Он бросил всего лишь один взгляд на закрытые шторами окно, пока еще зарытые, но она уже где-то близко. Оливия Торрес скоро появится в офисе, и все кардинально изменится, если он не успеет решить все дела. Мужчина повернулся к ней.

– Сеньор Рейнальдо, – Исабель опустила взгляд, – вы сами говорили, что я хороший специалист, – начала она.

– Я этого не отрицаю, – согласился он с ней, стискивая зубы.

Ему хотелось смести все со стола, хотелось, чтобы, сдерживаемые им ярость и гнев, нашли свой выход, выплеснулись наружу, но он стоял и смотрел на девушку, сунув руку в карман, все еще контролируя себя.

– Я просто пересмотрела дело Оливии Торрес и подала апелляцию, – призналась она.

Глаза Рейнальдо сузились, желваки играли на его скулах.

– Я понимаю, что Оливию Торрес обвинили в смерти вашей супруги, – Исабель решилась вновь посмотрела на него.

– Ее именно за это посадили, а также за то, что она убила своего собственного мужа, – напомнил Рейнальдо.

– Да, – кивнула Исабель, – так вот, – она страстно желала, чтобы он ей поверил, – я проверила ее дело, никто никогда не писал апелляцию, – Исабель не знала, стоило ли ей рассказывать ему все или нет.

– Значит так было нужно, – ответил Рейнальдо.

– Кому? – встрепенулась девушка? – Кому было нужно, чтобы к ней никого не пускали, вы знали, что ни один человек не получил с ней свидания?

Рейнальдо нахмурился. Он никогда не задавался этим вопросом: как и где содержалась Оливия. Он просто знал, что она в тюрьме.

– Что ты имеешь ввиду? – Рейнальдо отодвинул кресло и присел. – Что если бы я захотел с ней увидеться, мне бы не дали разрешения.

Исабель сделала шаг к нему:

– Нет, сеньор, я неоднократно запрашивала, мне все время отказывали, – она смотрела ему в глаза, мысленно моля, чтобы он поверил ей. – Вы всегда были справедливым человеком, – она замолчала, смущаясь, – вы же понимаете, что это ненормально. Ее словно похоронили там. Почему?

– Потому что она убила двух человек! – напомнил Рейнальдо, вставая.

– Двадцать лет разве недостаточный срок? – спросила Исабель.

Рейнальдо пристально смотрел на нее, а потом повернулся. Двадцать лет? С одной стороны, очень много, а с другой стороны ничтожно мало.

– Я понимаю, что вам неприятно, – начала Исабель.

– Ты понимаешь? – Рейнальдо ударил кулаком по столу.

– Да, – Исабель судорожно сглотнула, кашлянула, – можно, – она указала на стакан с водой, стоявший на его столе.

Рейнальдо кивнул. Ему хотелось взять самому этот стакан и плеснуть ей в лицо, чтобы отрезвить, чтобы она наконец-то поняла, что сделала, чтобы поняла, сколько жизней перевернула с ног на голову.

– Спасибо, – она поставила стакан на стол. – Я могу понять, – слегка севшим голосом произнесла она, – я могу вас понять, вы потеряли жену, а я потеряла отца.

Рейнальдо качнул головой:

– Не понимаю, – пожал он плечами.

– Мой отец умер. Он вел дело Оливии Торрес, – призналась она.

– Как одно относится к другому? – потребовал он объяснений.

Рейнальдо расхаживал по кабинету, он не мог сидеть, не мог стоять. Ему хотелось действовать, но у него были связаны руки. А если она..., а если он...

– Я не знаю, – всхлипнула Исабель, – просто по тому делу, которое представлено, понимаете, там недостаточно доказательств.

Рейнальдо остановился и развел руки в стороны:

– Какие тебе нужны доказательства, Исабель? Она сама признала свою вину, полностью призналась в совершенном ею преступлении! – он смотрел ей прямо в глаза.

Исабель кивнула:

– Я изучила все очень хорошо, вы же знаете меня, сеньор, – она снова кашлянула, взглянула на пустой стакан.

Он не отпустит ее за водой, поняла Исабель, да и просить было неловко, чтобы он позволил ей сходить в приемную за водой.

– Что ты хочешь сказать, Исабель? – прямо спросил он ее.

На ее глазах выступили слезы:

– Я вам скажу, только я..., – она вздрогнула, она не хотела признаваться ему во всем, – я думаю, – она кивнула, – я считаю, что Оливия Торрес отсидела свой срок, по ее делу, которое я представила на пересмотр, на основе всех приложенных доказательств и улик против нее, судья признал, что двадцать лет для Оливии Торрес достаточный срок, по этому ее отпустили.

Выпалив все на одном дыхании, Исабель выдохнула. Вроде бы сказала все так, как есть, как она представила в суде, все правда, умолчав об одном, что в деле отсутствовали фотографии, экспертизы, может быть они и были, были конечно – иначе бы суд отменил слушание, но потом были либо заменены, либо вообще убраны. Ее отец это и обнаружил, за что и оплатился своей жизнью, оставив их сиротами с братом. Исабель свято в это верила – ее отец пожертвовал своей жизнью, пытаясь спасти Оливию Торрес, она закончила его дело. Оливия Торрес жива и на свободе.

Рейнальдо молчал. Он не знал, что ей ответить. Суров ли был приговор – пожизненный срок, справедливы ли были слова Оливии, ему было ясно одно – он не хотел, чтобы Оливия Торрес приближалась к офису, он не хотел видеть ее в ее собственном кабинете. У этого кабинета будет свой хозяин, и он уже решил кто, осталось только одно, чтобы Артуро Торрес подписал документы.

– Вы меня уволите, сеньор? – Исабель задала самый главный вопрос.

Вопрос, которым пытал ее брат вот уже столько дней. Вопрос, от ответа которого зависела их жизнь с братом. Исабель смотрела на мужчину. Он перестал ходить из угла в угол. Остановился около окна, его взгляд был направлен на другое, закрытое шторами – окно кабинета Оливии Торрес. Исабель стоило огромных усилий попасть на работу к Рейнальдо Домингесу, и теперь из-за слова, данное ею дедушке, она могла потерять все.

Исабель с пятнадцати лет знала, о последнем деле ее отца, дедушка неоднократно ей рассказывал, словно сказку, садил на колени и говорил. Он не верил, что его сын умер от сердечного приступа, о чем говорил Исабель. Дедушка так и говорил: «Твой отец не мог умереть. Его смерть связана с его последним делом. Если бы я только мог его посмотреть.» Исабель дала

слово дедушке, что она все узнает, и первое, что она сделала, когда попала на практику – подняла это дело – дело Оливии Торрес, сеньоры из высшего общества. Она изучала его, читала, перечитывала и понимала, почему это дело стало последним в жизни ее отца. В этом деле не хватало много деталей, на которые она хотела получить ответы. Исабель сразу же подала прошение на встречу с Оливией Торрес, и получила отказ. Тогда и началась ее упорная борьба за свободу Оливии. Она понимала одно, Оливия поможет ей узнать, почему умер ее отец. Порой сомнения закрадывались в ее душу, правильно ли она поступала, может быть она сама себе все придумала, может быть у дедушки уже тогда начиналась деменция, и он ввел ее в заблуждение? А потом она читала дело Оливии, и убеждала себя в обратном. Если бы она могла бы с ней поговорить, но не могла, ей запрещали. И даже сейчас, когда Оливия уже на свободе, Исабель никак не могла с ней встретиться, чтобы наконец-то услышать от нее ответы на свои вопросы. Девушка даже не хотела предполагать, что у Оливии не было ответов. Она свято верила, что Оливия поможет ей раскрыть подробности смерти ее отца, здорового мужчины, никогда не жалующего на здоровье, иначе она никогда не сможет доказать, что отец был честным полицейским.

Рейнальдо уперся одной рукой об стену, вторую руку сунул в карман. Словно статуя, замер, выжидая или ожидая.

– Сеньор? – она чувствовала, как тонкая струйка пота стекала по ее спине, ладошки стали влажными и липкими, в горле все пересохло. Ей хотелось, чтобы он ответил, дал ей временное успокоение.

– Ты можешь идти, – отозвался Рейнальдо, не поворачиваясь к ней. – У тебя документы, которые ты должна подготовить. Они должны уже быть готовы! Мне они могут понадобиться в любую минуту! Ночь будет долгая.

Исабель выдохнула – отсрочка. Это уже радовало ее, небольшая, но она пока работала, пока еще могла приходить в этот офис, могла надеяться на то, что Максимилиано простит ее, что все еще могло стать, как прежде или как-то иначе, лучше, теперь все зависело от Оливии, им необходимо было встретиться как можно скорее, чтобы Исабель успела ей рассказать, но, девушка мысленно застонала – ей нужно было идти и заниматься документами. Она устало вздохнула и направилась к столу. Сеньор Рейнальдо ее хотя бы выслушал...

...

– Он не хочет меня слушать, – Эва бросила сумочку на столик и плюхнулась на диван. – Мама, вот как мне заполучить его.

– Милая, – Глория присела на кресло и сбросила туфли, – вот зачем он тебе? Он же в отцы тебе годится. Обрати внимание на Максимо, он молод, красив, умен, и какие у него перспективы.

– Мама, – в ее голосе послышалось раздражение, – опять ты за свое, и почему ты Макса зовешь Максимо?

Глория улыбнулась:

– Мне нравится это имя, – она потянулась в кресле. – Почему я не могу его так называть?

– Но это не его имя, – заметила Эва. – И хватит, пожалуйста, – попросила она, – в машине ты со мной соглашалась, сейчас снова начала говорить о Максе. Меня интересует Рейнальдо, – она щелкнула пальцами, стараясь привлечь внимание Глории и зафиксировать. – Мужчину, в которого я влюблена, зовут Рейнальдо.

– Это сейчас, – согласилась с ней Глория. – Ты очарована им, возможно влюблена, подумай, что будет через десять лет, двадцать? Он станет стариком, а ты будешь в самом расцвете сил, – Глория выпрямилась, наклонилась в сторону дочери, – вот, как я сейчас, а рядом с тобой будет пожилой мужчина. Тебе будет хотеться путешествовать, а ему просто сидеть дома.

Эва поморщилась:

– Он не будет стариком, – неуверенно произнесла она.

– Будет, поверь мне, Рейнальдо начнет стареть уже очень скоро. И потом, ты не замечаешь за ним странности? – спросила она.

– Какие? – нахмурилась Эва. – Он очаровательный, мужественный, красивый, ты не можешь представить, как он обнимает, – она закатила глаза.

Глория покачала головой:

– Он твой крестный, он обнимает тебя, как дочь, – напомнила она.

– Вот именно, – Эва подняла пальчик, – он мне не отец, а я ему не дочь. Это Макс, о котором ты говоришь, Максимо, – она передразнила мать, – мне как брат, мы выросли с ним вместе, я его не воспринимаю, как мужчину.

– Напрасно, – спокойно заметила Глория, – вот он для тебя идеальная пара. Вы вместе будете стареть.

– Мама, – Эва вскочила со стула. – Я понимаю, что никто не вечен, но давай не будем говорить о старости, моя жизнь только начинается, у меня столько всего впереди.

– Правильно, твоя жизнь только начинается, а у Рейнальдо она уже на закате, – заметила Глория.

– Мама, – Эва снова плюхнулась на диван, – хватит говорить, что Рей старый. Он чуть старше отца. Разве папа – старый?

Глория повернула голову в одну сторону, потом в другую, разминая шею:

– Твой отец полон сил, – призналась она.

– Вот видишь! – обрадовалась Эва. – И Рей такой же – полон сил. И совсем не странный.

– Уверена? – Глория положила руки на подлокотники кресла. – Почему он до сих пор не женился?

– Потому что он до сих пор оплакивает свою жену, видишь какой он верный, я помогу ему справиться с его болью, – Эва мечтательно закатила глаза, – окружу такой любовью.

– Эва, – Глория вновь наклонилась в сторону дочери, – ты считаешь, что у него все эти годы не было женщин? Опустись на землю, милая, мужчины не такие, какими ты их себе представляешь. Они жестоки, себялюбивы, а как они любят свободу, – она покачала головой.

– Можешь говорить, что угодно, но мой Рей не такой, он верный, и если не женился, то ждал меня. Я рожу ему ребенка, мы станем большой дружной семьей, – Эва рассмеялась, – смотри, я выйду замуж, и стану для Макса – мачехой, а когда рожу ребенка, то этот ребенок будет братом или сестрой Макса, – у нее на глазах выступили слезы от смеха. – Вот это правильно, а то Макс, да Макс, фу, пусть со своей Исабель разбирается. Кстати, они поссорились, – сообщила Эва.

– Прекрасный момент поддержать Максимо, – заметила Глория.

Эва встала с дивана:

– На этой прекрасной ноте я ухожу спать. Макса я всегда поддержу, я его верная подруга, но не более, – она категорично взмахнула руками, – пойду в кровать, мечтать о моем Рейнальдо, – она томно вздохнула. – Пусть мне приснится мой Рей, мой мужественный мужчина...

...мужество. Ему было его не занимать. Артуро прислушался. В комнате Оливии все стихло. Уснула? Он не знал. Он просто стоял у бара и смотрел в окно, за которым продолжал лить дождь. Быть мужественным он научился в самом раннем детстве, когда приходилось отстаивать свое собственное я. Вместе с мужеством он обрел и смелость. Смелость принимать решения и действовать. Артуро улыбнулся.

– Я идеален, – прошептал он.

Он посмотрел в сторону коридора. Встреча с сестрой оставила легкое послевкусие горечи. Они не виделись двадцать лет. Артуро пожал плечами, просто он не ходил к ней, она ведь оступилась. В его семье не было принято говорить о ней. Дочь знала, что тетка в тюрьме

за двойное убийство, и что он потерял глаз по вине своей сестры, этого было достаточно, чтобы больше она не поднимала вопросов о ней.

Артуго налил в стакан виски и вытащил телефон. Смахнул пальцем несколько уведомлений и нашел номер Рейнальдо в списке контактов. Палец завис над светящимся экраном, он не решался нажать. Она находилась в доме, спала в своей кровати, словно вернулась после долгого отсутствия, как будто бы не бывало этих двадцати лет. Ее призрак обрел плоть и кровь.

Артуго подошел к дивану и присел на него. Он не любил ранчо, не любил за многочисленные напоминания о той семье, которая была разрушена. Семье, которая никогда не была идеальной, несмотря на все его старания. Глоток виски обжог горло. Он кашлянул и сделал еще глоток. В гостиной явно не хватало камина, но Артуго никогда не решился бы перестроить этот дом. Он не прикасался ни к чему, все осталось ровно так, как было при Оливии. Словно он хранил все это для нее. Хранил? Артуго задумался. У него остались всего сутки, чтобы решить все раз и навсегда. Она разрешила ему, сказала, делай, что хочешь. Не захотела выслушать, не захотела вникать.

Артуго снял блокировку экрана. Контакт «Рейнальдо Домингес» был выделен, ему нужно было только нажать, нажать, чтобы окончательно принять решение. Артуго снова сделал глоток. Решение уже было принято, оно было принято, когда он ехал на это ранчо, когда ждал ее. Он все продумал. Это было идеальное решение. Артуго улыбнулся, услышав гудки.

– Слушаю, – раздался бодрый голос Рейнальдо, словно он не спал, как будто бы ждал его звонка.

– Я принимаю твоё предложение, – Артуго смотрел, как в бокале переливался виски. – У нас ровно сутки, чтобы все оформить.

– Пока действует доверенность? – произнес Рейнальдо, внимательно смотря на Исабель.

Девушка замерла, сидя за компьютером. Она смотрела на экран, но Рейнальдо прекрасно понимал, что все ее внимание переключилось на его телефонный разговор.

– Подготовь документы и учти мои условия о второй сделке, – ответил Артуго и отключил вызов.

Исабель прикрыла глаза и открыла. Пять минут первого, вот и начался последний отсчет для Оливии. Успеет ли она сообщить ей, успеет ли встретиться? Она поерзала на кресле, о чем то, предательски сообщило неприятным скрипом.

– Документы должны быть готовы к часу дня, – сообщил Рейнальдо, – на шесть вечера нужно вызвать нотариуса.

Исабель кивнула. Рейнальдо внимательно смотрел на нее. Она хотела ему сказать, что документы будут готовы раньше, но промолчала, это совсем было невыгодно Оливии и зачем-то нужно Рейнальдо, он как будто бы тянул время. Для чего? Исабель не понимала. Может быть в другой день, она бы и задумалась, над этим, но сегодня ее мысли занимала сеньора. Она хотела спросить его – видел ли сеньор Артуго сеньору Оливию, говорил ли он с ней? Где она была? Куда приехала? Исабель молчала, чувствуя, как в груди колотилось сердце. Оливия в городе, она уже рядом. Исабель должна все успеть, у нее просто не было другого выхода.

Девушка смотрела на сеньора, ей так хотелось проникнуть в его мысли. За последние две недели они подготовила несколько пакетов документов. Один, который вообще не понимала, зачем Рейнальдо готовил его, какую цель преследовал?

Рейнальдо кивнул, провел рукой по карману рубашки, словно успокаивал ноющую боль в сердце. Исабель посмотрела на его лицо: слегка бледное и уставший вид. Рейнальдо повернулся и прошел в свой кабинет. Исабель выдохнула. Порой ей тяжело было понять его, подстроиться под его настроение, особенно в последние дни. Его задумчивость, иногда отстраненность немного пугали ее. Вот с Максимилиано он менялся, глаза загорались, он чаще улыбался, но стоило Максу удалиться, взгляд тускнел, а на лицо набегала тень...

...если бы она могла, она бы сбежала, только бежать было некуда. Оливия прижала ладони к лицу. Темные круги под глазами, припухшие веки, ввалившиеся скулы, бледная кожа, волосы с поседевшими прядями. Она так давно не смотрела на себя в зеркало, не вглядывалась. Оливия опустила голову. Санти. Ее маленький сын. Она всю ночь думала о нем, пыталась вспомнить его улыбку, но его личико расплывалось, ускользая, она помнила только глаза, такие же, как у Маркуса. Неужели она начинала забывать сына? Почему из памяти постепенно стиралась его лицо? Она вновь взглянула в зеркало. В отражении на нее смотрела изможденная женщина. Женщина, которая с опозданием в 20 лет собиралась на могилу своего сына.

Оливия вышла из ванной комнаты, бросила взгляд на заправленную кровать – привычка, отработанная до механизма: встала, заправила, умылась. Ей захотелось сорвать покрывало и разбросать все по комнате, чтобы доказать, что она могла по-другому, только это все равно ничего не смогло бы изменить. Она провела в тюрьме двадцать лет. Долгие двадцать лет, которые впитались в ее кожу навязанными ей правилами и уставами.

Женщина стянула пеньюар и аккуратно положила его на кровать. В гардеробной выбрала темную рубашку с длинными рукавами и темные брюки. Ей пришлось надеть пояс, иначе брюки норовили соскользнуть с нее. Приятная ткань, мягкая, она уже забыла, каково это – когда кожу нежила материя, а не царапала. Оливия попыталась обуть туфли, но ноги словно одеревенели и не слушались. Она присела на пуфик, тяжелые капли горечи и невыплаканных слез утраты упали на кафель рядом с туфлями. Оливия смотрела на них, и понимала, что не в состоянии обуться, встать на каблуки, пойти. Слезы катились по ее щекам, она всхлипывала, рассматривая ряды своей обуви. Не надо было ей выходить из тюрьмы, там она по крайней мере не знала, что ее сын был мертв, там, у нее была одна маленькая надежда, что он был жив, что Санти вырос.

Ее выбор остановился на черных кроссовках. Оливия обулась и пожала плечами, как будто бы перед кем-то оправдывалась за свой нелепый вид. Рука на полном автомате потянулась к ящику, выдвинула его, она достала темный кожаный чехол. Невольно, не задумываясь, она вспоминала прошлую жизнь, свои привычки, вернее ее тело помнило, руки знали.

Оливия надела очки и вышла из спальни. Ее слегка шатало и подташнивало, но есть она не хотела, что-то внутри нее сжималось в спираль, но она за долгие годы в тюрьме научилась не обращать внимания на боль – лекарство в тюрьме было огромной роскошью, и в этот раз, просто слегка поморщилась, не думая о боли, глубоко вздохнула. Она ничего не хотела, просто увидеть могилу сына, словно желала удостовериться, что Артуро сказал ей жестокую правду, о которой она не знала столько лет.

– Завтрак? – услышала она его голос и вздрогнула.

Она совершенно отвыкла от общения, о того, что кто-то мог ждать ее, предлагать ей что-то. Оливия даже не взглянула на него, просто качнула головой.

– Не здороваешься? – уколол он ее и хмыкнул.

Он осуждал ее, поняла Оливия, но какое ей было дело до него? Она не хотела сейчас думать о нем, пытаться разыгрывать приветливость, изображать благодарность, она просто подошла к двери. Ее плечи слегка напряглись, она замешкалась всего на мгновение. Не должна, она не должна больше никого спрашивать. Она полностью свободна в своем перемещении, поступках. Она была свободна, была вольна в своих действиях.

– Так и будешь молчать? – в его голосе послышалось раздражение. – Я остался тут с тобой на ночь, – напомнил он.

Оливия обернулась. Неужели он не понимал, что она не привыкла, что она забыла все. Нет, не правила приличия. Нет. Она практически забыла, как общаться. Первые месяцы в тюрьме ей дались очень тяжело без общения, как и первый год, а потом она научилась просто молчать. Ведь ее слова никому не были нужны, слушать ее никто не хотел, не желал. Что

же сейчас от нее требовал брат? Где он был все эти долгие годы, когда он был так нужен ей? Нужен? Она смотрела на него, молча ведя этот неслышимый и ненужный ему монолог.

– Ты отвезешь меня? – хриплым голосом, едва слышно спросила она.

Артуро нахмурился, смотря на нее своим единственным глазом. Оливию смотрела на него сквозь темные очки. Отвыкла она видеть живое напоминание ее проступка – темное яблоко вместо второго глаза – ее собственное клеймо на лице брата.

– Все такая же, – Артуро стиснул зубы.

Оливия никак не отреагировала, просто открыла дверь и вышла из дома. Свобода. Могла идти, куда хотела, могла делать все, что хотела. Какова же была цена этой непозволительной роскоши? Она не понимала, чувствуя себя полностью потерянной, не осознавая реальности, боясь принять ее.

Артуро, проходя мимо нее, слегка толкнул ее плечом, заставив ее схватиться за стену дома. Ничего не менялось, все такой же ее брат. Оливия направилась за ним следом. Она понимала, что это ее дом, ее ранчо, но все никак не могла себе позволить действовать самостоятельно, невольно ожидая разрешения, указки, приказа. Он открыл для нее дверь, и она неуклюже забралась в его большую машину, села, забившись в угол, обхватила себя руками. Молчала она, молчал и он. Она иногда смахивала слезы, изредка всхлипывая. Артуро резко нажимал на газ, потом на тормоз, отчего она раз за разом ударялась плечом о дверь. Ей пришлось взяться за ручку, чтобы хоть как-то удерживаться на сиденье. За окном мелькали незнакомые и смутно знакомые дома, улицы. Мелодия телефонного звонка нарушила тишину в машине.

– Я просил не беспокоить, – грубо ответил он. – Что? Я занят, скоро буду. Да, в офисе. До связи.

Оливия не смотрела на брата, прекрасно понимая, что он терял с ней время, у него была своя жизнь, в которой ей не было место. Он же сказал, что у него семья, дочь, вспомнила она. Дочь. А ее сын умер. Артуро не сдержал своего слова, не позаботился о ее сыне, которого она вместе с доверенностью вручила ему. Глаза снова защипали, она моргнула несколько раз и кашлянула, стараясь не заплакать.

Артуро резко дернул руль влево, она больно ударилась плечом о дверь, и машина остановилась. Оливия уже практически потянула ручку, чтобы открыть дверь, но Артуро опередил ее. Оливия чуть не выпала из машины, успев схватиться за переднее сиденье. Вчера он даже обнял ее, проявляя сочувствие, сегодня же сторонился, словно прокаженной. Наверное, она такой и была, вернее стала изгоем. Не надо его ни о чем спрашивать, подумала Оливия. Не нужно узнавать о его семье, потому что для нее не было места в ней. Ее единственная семья покоилась на кладбище, мужа она убила, а сын умер. Оливия брела за Артуро по дорожке между могил, порой запинаясь. Сорок... шестьдесят девять. Она стиснула зубы так, что стало больно. Нет. Она больше не будет считать шаги. Она никогда больше не вернется в тюрьму. Шаг стал уверенней, спина слегка распрямилась и тут же плечи поникли.

В тени большого дерева она увидела могилу своего сына. Темные тучи нависли над кладбищем. Она не устояла, рухнув на колени, пальцы рук коснулись серой, еще влажной, плиты. Сантьяго Торрес 25.04.1999 – 07.12.2002.

– Сынок, – едва слышно прошептала она, пальцы рук гладили могильный камень, вытирая оставшиеся после дождя капли. – Мой Санти, – слезы катились по ее щекам.

Артуро коснулся ее плеча, сжал и отпустил.

– Дорогу знаешь, – услышала она позади себя севший голос брата, – мне пора, – его глаз и повязку скрывали темные очки.

Артуро постоял всего минуту, взглянул на могилу родителей, повернулся и ушел. Оливия ничего не слышала. Она не ждала от брата сочувствия, понимая, что она опоздала со слезами,

с прощанием, она со всем опоздала, опоздала жить, не уберегла своего сына. Артуро уже давно пережил смерть ее сына, а она только начинала осознавать это.

– Санти, мой Санти, – она подползла поближе, коснулась надписи.

Все такое холодное, серое, бледно-мертвое, как она сама. Словно не живая, Оливия легла на плиту, стараясь обнять то, что невозможно было обнять, прижать, согреть. Ее сын умер много лет назад. Погребенный под этой плитой, он стал таким же холодным, как сырая земля после дождя. Даже если выглянет солнце, оно согреет все вокруг, но никогда не укутает своим теплом ее сына, ее саму.

Мелкий колючий дождь, как острые иглы, впивался в ее кожу, холодя ее еще больше. Оливия же распласталась на плите, прижалась щекой, застонала. Стон шел из самой души, как проклятие. Почему он, почему не она? Она совершила такое жуткое преступление – убила двух людей, почему она осталась жива, почему ее сын умер? Это ее наказание? Оливия вздрогнула. Такое божье наказание – пережить собственного ребенка. Как после этого тогда жить? Зачем? Зачем ей эта свобода без ее сына?

Она лежала на плите, обнимая то, что могла обнять, слезы уже не катились из ее глаз, она просто лежала под струями дождя, стараясь слиться с могильной плитой, словно могла просочиться под нее, чтобы стать как можно ближе к сыну... и она станет ближе. Оливия едва заметно кивнула с закрытыми глазами.

– Я иду к тебе, Санти, – прошептала она. – Иду...

...

– Сеньор, мне нужно уйти, – Исабель стояла около стола Рейнальдо.

Он отложил документы в сторону. Исабель смотрела за его плечо. Кабинет Оливии все также был закрыт, шторы опущены. Его хозяйка не появилась в офисе. Исабель конечно понимала, что сеньора не помчится сразу же на работу, но в глубине души все же надеялась, а вдруг она решится и придет.

– Документы все готовы? – уточнил Рейнальдо и размял затекшие от долгого сидения плечи.

– Да, сеньор, у вас на рабочем столе, в папке от сегодняшней даты полный комплект, – Исабель завела руки за спину, нервно поглядывая на большие часы, висевшие на стене.

– Будь, – начал Рейнальдо и прервался.

На столе завибрировал мобильный телефон. Он тут же изменился в лице, всего одно движение, и вибрация прекратилась. Исабель не успела заметить, кто звонил. Она настолько сильно устала от бессонной ночи за компьютером, в добавок ко всему, из ее головы никак не выходили мысли о сеньоре. Она не знала, где она. Одна единственная мысль – может быть на ранчо? У Исабель был только этот адрес. Она надеялась, что сеньора поехала именно туда, не могла же она направиться к сеньору Артуро или могла?

– Сеньор? – Исабель пришлось напомнить о себе, ей не терпелось поскорее уйти с работы.

Рейнальдо кивнул, накрывая телефон ладонью, словно таким образом мог оборвать входящий звонок.

– Можешь идти, но будь на связи, – распорядился Рейнальдо.

Исабель с облегчением выдохнула. Звук вибрации заставил его напрячься.

– Сеньор, – Исабель прижала руку к груди, извиняясь и прощаясь. – Алло, – ответила она на звонок.

Рейнальдо покачал головой, звонили не ему.

– Привет, подруга, – в трубке раздался веселый голос Эвы. – Как там мой Рейнальдо? Вы работали всю ночь? – она чередой задавала вопросы, на которые не успевала ответить Исабель.

– Да, всю ночь, – Исабель быстро выключила компьютер, бросила в сумочку бутылочку с водой.

– Вы были только вдвоем или Макс работал с вами? – Эва в этот раз ждала ответа.

– Одни, – Исабель направилась к лифту.

– Надеюсь, что пока вы в соре с Максом, ты не решишь приударить за моим Рейнальдо? – в ее голосе послышались жесткие нотки.

– Эва, – протянула Исабель, – о чем ты говоришь? Ты вообще думаешь о чем-нибудь другом, кроме Рейнальдо? – Исабель нажала кнопку лифта.

– Да, я начала готовить нашу свадьбу, – радостно сообщила Эва.

Исабель закатила глаза. Она могла бы положить трубку, но продолжала разговор, надеясь хоть что-то узнать о сеньоре. Может быть она была у них.

– А сеньор в курсе? – уточнила Исабель, прислушиваясь к посторонним звукам в трубке.

– Какой именно? – тут же спросила Эва. – Папа или Рейнальдо?

Исабель рассмеялась:

– Наверное, оба, – она шагнула ближе, стоило только лифту остановиться.

– Ты! – из лифта вышел Максимилиано. – Сеньор Рейнальдо? – громко позвал он отца. – Почему эта сеньорита до сих пор находится в нашем офисе? Разве она не уволена?

Максимилиано крепко стиснул папку с документами и встал у нее на пути. Он смотрел на девушку с ненавистью.

– Что??? – в трубку закричала Эва. – Что несет Макс? Да как он смеет? Я сейчас же собираюсь и еду, я не позволю моему Рейнальдо уволить тебя. Подруга, держись! – Эва тут же отключила телефон.

Исабель мысленно застонала. Она бы лучше продолжила разговор с Эвой, чем оставаться один на один с Максимилиано, жаждущим ее уволить. Тем более, что сеньор не ответил, уволит он ее или нет.

– Разреши пройти, – попросила Исабель.

– Во-первых, сеньор, сеньорита Гарсия, – начал Максимилиано. – Во-вторых, вы уйдете отсюда сразу со всеми документами и вещами.

– Сеньор Домингес, – Исабель повесила сумочку на плечо, – главный сеньор Домингес еще не принял решение на счет моего увольнения.

– Он сейчас примет это решение! Сеньор! – громко позвал он.

– Вы можете поговорить без меня, – рассердилась Исабель.

Она не собиралась стоять и разбираться с Максимилиано, тем более, когда он был не в состоянии вести нормальный разговор.

– Ты хочешь, чтобы мы решали твою судьбу в твое отсутствие? – тон голоса Максимилиано стал тише.

– Если тебе, – она осеклась, – если вам, сеньор Домингес, позволит ваша совесть.

Максимилиано схватил ее за руку.

– Ты хочешь обвинить меня в несправедливости? А ты думала – справедливо ли ты поступаешь, когда освобождала виновную в смерти моей матери? – он притянул ее к себе и посмотрел в ее глаза.

– Сеньорита Гарсия, сеньор, – напомнила она ему. – Вы можете высказывать мне что-либо в отношении работы, а то, что относится к моей личной моей жизни, вас не касается, – она оттолкнула его и обошла.

Исабель с силой давила на кнопку вызова, чувствуя тяжелое дыхание Максимилиано у себя за спиной.

– Исабель, ты предала меня! – его слова болью отзывались в ее душе. – И почему это касается тебя лично?

– Я не могла предать себя, Макс, – прошептала она, мысленно поблагодарив бога, что лифт приехал так быстро, зашла в лифт. – И если тебе действительно будет это важно, то мы спокойно поговорим, но не раньше, сеньор Домингес.

Максимилиано смотрел на нее, пока двери лифта не закрылись...

...она закрыла глаза, практически уже ничего не чувствовала, холод проник в каждую клеточку ее тела. Оливия не хотела двигаться. Она не видела больше смысла цепляться за эту жизнь. Ее сын умер много лет назад, а больше ничто ее не держало в этом мире, никто не нуждался в ней, никому она не была нужна, никто не помнил о ней, не ждал.

Оливия не хотела никому причинять неудобства. Они двадцать лет не вспоминали о ней, и сейчас забудут очень быстро. Нет, это была совсем не жалость к самой себе. Она просто понимала и принимала действительность. Единственный родной человек, оставил ее на могиле сына. А что она хотела от него, чего ждала? Она сама разрушила его доверие. Она покалечила его, лишив глаза. Их родители лежали рядом, всего в метре от могилы Санти. Ее некому было поддержать, протянуть руку помощи. А нужно было ли? Оливия слегка пошевелилась и сжала губы. Боль тысячью иголок впиалась в онемевшие руки и ноги. Все еще что-то чувствовала. Зачем? Зачем ей все это? Почему она не могла просто уснуть вот тут рядом с могилой ее сына, уснуть, чтобы никогда не просыпаться. Здесь были ее родные: родители и сын. Тут она и останется, с ними. Оливия повернулась, легла на бок, потом перекатилась и оказалась между могилами, подтянула ноги к животу, руки прижала к груди. Она лежала с закрытыми глазами, слушая звук дождя и стук своего собственного сердца.

Тук-Тук. Грудь приподнималась и опускалась. Тук-тук. Она попробовала не дышать, выдержала, пока в ушах не загудело, легкие распирали, требуя кислорода. И снова тук-тук. Вдох-выдох. Стук. Цок-цок. Стук. Тук-тук. Цок-цок. Вдох-выдох. Она практически не ощутила толчок, слушая звук своего собственного сердца, работающего как исправные часы, сердце отказывалось ей повиноваться и останавливаться.

– Живая? – незнакомый мужской голос донесся до ее затуманенного сознания.

Оливия не пошевелилась. Сейчас уйдет, пусть пройдет мимо. Не нужно, ничего не нужно. Пусть думает, что хочет, только оставит ее в покое. Оливия хотела прижать руки к ушам, возможно даже сделала это, но нет. Она просто подумала, оставаясь неподвижной.

– Что с тобой? – голос приблизился.

Наверное, мужчина наклонился. Ресницы Оливии слегка дрогнули. Страх когтистыми пальцами охватил ее горло, стоило ему сжать ее плечо, она так отчетливо почувствовала его хватку – крепкую, мужскую, мгновенно вызвавшую в ней паталогическое повиновение и внутренний протест.

– Только не насилуйте, – с мольбой прошептала она. – Больше не нужно насилия. Пожалуйста.

Оливия боялась открыть глаза, боялась увидеть того, кто столько лет насиловал ее. Где-то в глубине ее сознания билась одна единственная мысль – он остался в тюрьме, что это был не он, но страх увидеть его, парализовал ее.

– Нет, пожалуйста, – она схватила рубашку, стягивая итак застегнутый ворот наглухо. – Убейте, – прошептала она. – Просто убейте. Я заслуживаю смерти. Я убила мужа, мой сын умер. Меня столько лет насиловали в тюрьме, похоронили там, я заслуживаю смерти, я не хочу больше жить, – выпалив все на одном дыхании, она открыла глаза.

Оливия давно не говорила столько слов сразу. А тут, совершенно незнакомому человеку практически рассказала всю свою жизнь. Как оказалось – и рассказывать особо было нечего. Вся ее жизнь уместилась в несколько предложений, дающих оценку ее самой и качества ее жизни. Она встретила взгляд его серых взгляд. Тростью он упирался в ее бедро, внимательно смотрел на ее лицо. Полностью седовласый, такая же седая борода, аккуратно подстриженная, костюм тройка и платок на шее вместо галстука. Он был одет, как любил одеваться ее отец, но это был не ее отец. Над ней склонился совершенно незнакомый мужчина. Он опирался на трость, впивающуюся в ее бедро. Только сейчас, непроизвольно поморщившись, она начала

ощущать его вес. Оливия одной рукой держала ворот рубашки, второй прикоснулась к гладкой трости, словно хотела, чтобы он убрал ее.

Дождь все еще накрапывал. Мужчина держал зонт над собой, опираясь на трость и продолжал смотреть на нее. Ее сердце билось ровно, страх прошел. Он не будет ее насиловать, поняла она, но он что-то хотел от нее, она читала это в его взгляде. Лежала перед ним на холодной сырой земле, полностью промокшая, в испачканной одежде, ожидая своего приговора.

– Тебе здесь хорошо? – спросив, он убрал трость с ее бедра, немного переместил зонт, закрывая ее от дождя.

– Что? – не поняла Оливия, прижав руку к тому месту, куда упиралась трость.

– Твой сын умер, мужа у тебя уже скорее всего не будет, я понимаю, тебе спокойно тут, среди мертвых. Закрывает глаза и забыла про всех, – он сделал шаг ближе, полностью укрыв ее лицо и голову от дождя. – Здесь безопасно, – он окинул взглядом могилы умерших людей, – никто не потревожит. Правильно, какой смысл жить дальше.

Оливия судорожно сглотнула. Она смотрела незнакомцу в глаза, не моргая. Слезы застыли, готовые пролиться. Она вздрагивала под его пристальным взглядом.

– Тебе надо решить, что делать дальше, – он возвышался над ней, укрывая от дождя. – Если готова продолжать, – он вздохнул, – значит привыкай жить с этим. Вставай, почувствуй землю, насладись свежим воздухом и начинай жить дальше.

Оливия открыла рот и закашлялась, не успев произнести ни слова. Она перевернулась на спину, села, все еще сотрясаясь от приступа кашля. Она сидела между двух могил, с одной стороны были похоронены ее родители, с другой – ее сын. Незнакомец был прав даже сейчас у нее был выбор. Она словно протрезвела и затряслась от озноба. Оливия замерзла так, что не чувствовала пальцы ног и рук. Так сильно она не замерзала даже в тюрьме.

«Почувствуй землю». Оливия сидела на ней, видела деревья, траву, тучи. «Насладись свежим воздухом». Она дышала полной грудью, а всего сутки назад была лишена этого. Самый вкусный воздух после дождя, и дождь закончился. Мужчина нажал кнопку, и зонт сложился. Он стоял рядом, а она дышала, впитывая жизнь и силу природы.

«Вставай!». Оливия уперлась руками в дорожку, но встать не смогла. Онемевшие ноги подвели, она чуть не завалилась на бок, но удержалась. Перед ее лицом показалась его рука. Большая, мужская с массивными часами на запястье. Оливия вытерла руку об штанину и взялась за нее. Он легко поднял ее, но руку не отпускал, ожидая, пока она обретет опору.

– Кто вы? – Оливия держалась за его теплую руку.

Она пыталась согреть свои ледяные пальцы в его большой ладони. Стоя с ним рядом, она чувствовала себя очень маленькой, практически девочкой рядом с отцом, но когда запрокинула голову, поняла, что он не такой старый, как ей показалось сначала. Просто седовласый. Она смотрела на него, не в силах сдержать озноб, стук зубов. Он прислонил трость и зонт к своей ноге, расстегнул пуговицы пиджака, снял его и накинул на ее плечи. Она мгновенно погрузилась в тонкий мужской аромат парфюма и долгожданное тепло.

– Леонардо, можешь звать меня Лео, – произнес он и подставил ей руку.

– Оливия, Оливия Торрес, – ответила она сиплым голосом, беря его под руку, – просто Оли.

– Значит, все-таки жизнь, – констатировал он итак понятный факт, – Оли, – он искоса взглянул на нее.

Оливия кивнула. Она подстроилась под его широкий шаг, крепко держалась за его руку. Шла с ним рядом, слушая звук, издаваемой его тростью. Тот самый, который она слышала, лежа на земле между могилами. Они смотрелись нелепо. Она в грязной и мокрой одежде в накинутом на ее плечи его пиджаке, и он идеально одетый с тростью и зонтом. А в прочем, разве это ее должно было волновать, если он шел с ней рядом уверенной походкой, с прямо поднятой головой. Леонардо вывел ее за ворота кладбища. На мгновение ей показалось, что

именно тут он ее и оставит, но он повернул к дорожке, и они пошли по направлению к городу. По уже знакомой и не совсем знакомой ей улице.

– У меня тут кофейня неподалеку, думаю, что чашечка вкусного кофе тебе не помешает, а может быть чай с лимоном, – размышлял он вслух, – сейчас согреем тебя, чтобы ты не заболела.

Оливия немного опустила голову. Она боялась оступиться, боялась потерять его поддержку. Она шла с ним рядом, не веря, что незнакомец буквально вытащил ее с того света, и не просто вытащил, он не отказался от нее даже тогда, когда узнал, что она убийца. Оливия робко взглянула на него. Ей хотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не мерещилось ли ей все это.

– Знаешь, я давно вот так ни с кем не ходил, – признался он, – весьма приятно.

Оливия споткнулась. Ее щеки слегка порозовели. Она боялась ошибиться, боялась поверить, но он же не покушался на нее, не угрожал ей, наоборот, помогал. Она слегка нахмурилась, не понимая, что же все-таки ее беспокоило. Он поймал ее взгляд. Никаких эмоций, смотрел прямо, шел уверенно. Она просто утратила привычку общаться. Оливия провела другой рукой по волосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.